

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 24.

30 июня 1928 г.

№ 24.

Ставим вопрос.

Мартовское совещание прокуратуры прошло под знаком суровой и деловой самокритики, критики всех областей прокурорской работы. И местные и центральные работники откровенно и прямо вскрывали наши недостатки, в частности и в особенности в области работы по общему надзору. Что же в результате критики совещание внесло в работу общего надзора?

В резолюции по общему надзору совещание указывает, что: «Основным методом прокурорской работы в деревне было производство систематических и плановых обследований низовых органов Советской власти—волнсполкомов, райисполкомов и сельсоветов,—с точки зрения соответствия их деятельности революционной законности».

Этот основной метод и докладчиком и выступавшими в прениях был раскритикован, как негодный для нынешнего этапа нашего развития. Никто не предлагал и на будущее время сохранить плановые, систематические обследования низовых органов власти. Однако, никто также не утверждал, что в прошлом этот метод был ненужным, ошибочным. Наоборот, констатировано, что этот метод оправдал себя на протяжении нескольких лет.

Но сейчас, на предстоящий этап, перед общим надзором встанут новые задачи, разрешение которых требует новых методов работы.

Каковы эти новые задачи?

Анализируя решения 15 Партсъезда, в которых дана политическая установка для всех областей партийной и советской работы, совещание говорит: «надзор за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных организаций и частных лиц должен осуществляться не только по форме закона, но и по существу». Мы бы прибавили—не только и не столько по форме, сколько по существу.

Этот первый и основной пункт резолюции является важнейшей политической директивой для всей прокуратуры. Не форма закона важна для нас, а его сущность, его классовое содержание. И надзор за исполнением закона должен сводиться к наблюдению за тем, чтобы классовая сущность не извращалась. Что означает такая постановка вопроса? Какой общий вывод отсюда нужно сделать?

Работа общего надзора есть работа политическая. Это положение подтверждается, во-первых, объектами и, во-вторых, методами работы, указанными в резолюции совещания.

Одним из важнейших объектов работы общего надзора резолюция совещания считает работу деревенскую, при чем вся совокупность деревенской работы прокуратуры (за исключением следствия и суда) включена резолюцией совещания в общий надзор. Здесь жалобы, селькоровские

заметки, правовая пропаганда, работа с активом и т. д. и т. д.

Общий надзор непосредственно должен осуществлять прокурорские функции в таких серьезных областях работы, как борьба с попытками подрыва национализации земли, выявление кабальных сделок, извращения при проведении самообложения, охрана и защита прав бедноты и батрачества и пр.

Соответственно с ярко выраженным политическим содержанием очерченных выше задач меняются и формы и методы работы.

Резолюция, указывая эти методы, в качестве основ предлагает установление «живой связи с массами» и «создание из местного деревенского актива опорных пунктов для поддержки деятельности прокуратуры».

Подробно эти вопросы разработаны в недавно опубликованном директивном письме.

Точно так же обстоит дело и с городской работой.

Дежурства на фабриках и заводах для жалоб от рабочих, вечера вопросов и ответов и работа с рабкорами, работа в правовых секциях советов—вот основная база, на которой строится надзорная деятельность прокуратуры в городе.

Итак, содержанием работы общего надзора как по резолюции прокурорского совещания, так и по директивному письму, является раньше всего и прежде всего политическая и деревенская работа, а затем идет т. н. административный надзор.

Необходимо, однако, признать—и в этом смысл настоящего выступления в печати,—что правильному построению общего надзора на местах в указанном выше направлении мешает сейчас, главным образом, организационная неувязка в руководстве из центра. Руководство это раздвоено, оно осуществляется двумя отделами. Административным надзором руководит Отдел общего надзора, а политической и деревенской работой—Отдел общего управления прокуратуры. Такое раздвоение руководства дальше нетерпимо. Резолюцию совещания приходится резать ножницами, определяя, к компетенции какого отдела какие ее отдельные пункты относятся, и это в то время, когда вся она проникнута единой мыслью, единой политической установкой.

Мы ставим вопрос так: все руководство деревенской и политической работой должно сконцентрироваться в одном отделе и, думаем, в отделе общего надзора.

И чем скорее этот вопрос будет нами разрешен так, как мы его ставим, тем скорее и лучше мы подойдем к разрешению новых задач, поставленных перед нами Партией.

Я. Бранденбургский,
Н. Нехамкин.

В виду происходящей сейчас реорганизации Наркомюста, практическое осуществление нашего плана упирается в правильное распределение функций уже не между двумя отделами прокуратуры, а между прокуратурой и будущим Организационно-Инструкторским Управлением Наркомюста.

Если у Отдела Общего Управления Прокуратуры в прошлом были хоть какие-либо основания претендовать на руководство политической и деревенской работой, то у будущего Организационно-Инструкторского Управления Наркомюста таких претензий, конечно, нет и быть не может, ибо совершенно очевидно, что деревенская и политическая работа прокуратуры составляет часть ее оперативных функций.

Этим в громадной степени облегчается разрешение вопроса, который мы ставим.

Я. Б.,
Н. Н.

Пути коллективизации сельского хозяйства.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства занимало умы еще социалистов-утопистов.

Возьмем Роберта Оуэна, Сен-Симона, Фурье. Они этот вопрос прощупывали и продумывали до конца. Взять, например, хотя бы Сен-Симона. В его произведениях имеются такие вопросы, которые и сейчас стоят перед нами. Например, он говорит: «эксплоатация должна быть не человека, а природы, земного шара, путем ассоциации всех работающих, всех людей». Мысль как-будто бы как раз та самая, за которую мы в настоящее время боремся.

Возьмем Фурье. Он говорил об уничтожении различия между городом и деревней, о смешении наций, о труде, как завершении человеческого существа, о громадных процессах ассоциированного, обобщественного человеческого.

Следовательно, эти утописты-социалисты в то время своим умом пытались гениально предвидеть движение человеческого по пути общего труда, по пути социалистического развития.

Но, конечно, поскольку социализм не был основан на научном изучении существующего общества, а все было построено на выводах гениальных умов этих утопистов, поскольку идеи не связывались с вопросом социалистической революции,—все их практические попытки осуществить свои планы в рамках капитализма рушились... Но самые их планы организации коллективов и в настоящее время представляют большой интерес.

Занимаясь изучением коллективного движения, проведение коллективизации, необходимо знакомиться со старыми произведениями утопистов. Очень возможно, что многие планы этих утопистов окажутся приемлемыми и применимыми в настоящее время. Например, формы коллективного труда, которые намечал Фурье,—дома-коммуны в городах, фаланги-общины коллективного труда в сельском хозяйстве,—могут иметь практический интерес в наших условиях.

О «кооперативном» социализме.

И Ленин не отвергал этих планов.

Ленин говорил по этому поводу:

«В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом

современного общества, без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров. И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошлое, в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир)».

Теперь дело изменилось и к планам кооперирования населения мы относимся по-иному.

«При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, то-есть рабочему классу» (Ленин. Из статьи о кооперации).

Следовательно, уже к кооперативным планам старого дореволюционного типа Ленин не относился так, как мы относились к ним до революции, с точки зрения признания их фантастики, мелко-буржуазной утопичности и т. д. Кое-что положительное из этих планов нужно признать и принять к руководству, переделать в зависимости от современных условий.

Наркомзем много занимается землеустройством поселков. Эта форма землепользования считается новой формой, отличной от общины. И, однако, в это слово на практике вкладывается совсем другое содержание, чем оно есть у изобретателя поселковой формы—мелко-буржуазного кооператора Франца Опенгеймера. У нас получается так, что вновь землеустраиваемые поселки ничем не отличаются от общины. Достигается только та выгода, что небольшой поселок не имеет такой вредной стороны землепользования, многодворной общины, как дальнотелье.

А между тем, у Опенгеймера детально разработан план организации поселков. Заслуживает внимания тщательная и детальная разработка им поселенческого хозяйственного плана.

План этот вкратце следующий: поселок имеет общую земельную площадь в одном участке. Часть земли отводится под поселок и делится на отдельные участки. На каждом участке устраивается дом. На приусадебных участках (отрубках) работы по удобрению и сбору урожая производятся каждым отдельно, остальные же работы проводятся общими силами и средствами производства. Главный участок земли оставляется целиком под общественную обработку. На этом участке под управлением специалиста ведется многопольный севооборот и общественное крупное хозяйство современного типа, с применением машин и научных способов обработки.

Опенгеймер «мечтал», не уничтожая капиталистического общества революционным путем, о мирном переустройстве этого общества посредством производственной кооперации. Эти мечты мелко-буржуазного кооператора правильно для того времени характеризованы Лениным, как даже мещанская пошлость. Но в условиях нашего социалистического строительства планы Опенгеймера недурно бы изучить Наркомзему, чтобы землеустраивать действительно новые поселки, а не маленькие общины. Для этого теперь есть налицо и условия и средства.

Кое-что от утопии в эпоху военного коммунизма.

Наше время—время практического действия. Если мы сравним подход к строительству колхозов, который был в 18-м году, и тот подход, который есть теперь, то сразу бросается в глаза громадная разница. Мы тогда пытались коммунистические планы коллективизации, планы строительства социализма в земледелии проводить независимо от материальной обстановки, независимо от кадров людей, при посредстве которых приходится строить социализм. Все было тогда рассчитано на энтузиастов. Собрались энтузиасты, «верующие» в социализм, и начинают строить коммуны.

Вот интересная выдержка из «нормального устава сельско-хозяйственных производительных коммун» издания 18-го года. Сразу из этой выдержки видно, насколько все эти слова и фразы были похожи на те слова, которые писал Фурье и другие коллективисты, и насколько в настоящее время коллективизация, как массовое движение, переросла все утопические представления о формах коллективизации.

«Сельско-хозяйственная коммуна должна служить образцом братского равенства всех людей и труда и в пользовании результатами труда. Поэтому желающих вступить в коммуну отказывается в ее пользу от личной собственности на денежные средства, орудия производства, скот и вообще всякое имущество, необходимое в ведении коммунистического хозяйства.

Коммунар должен отдавать все свои силы и способности на служение коммуны. Лентяям нет места в коммуне. По конституции РСФСР всякий способный к труду, но не желающий трудиться, не имеет права есть.

Коммуна берет от каждого своего члена по его силе и способностям и дает ему по его насущным потребностям.

Вместе с коммунизмом в производстве коммуна должна стремиться к организации между своими членами и коммунистического распределения как продуктов производства коммунального хозяйства, так и продуктов, получаемых коммуной от социалистического рабоче-крестьянского правительства. С этой целью коммуны устраивают общие жилища и столовые, общие мастерские изготовления, чистки платья, белья и т. д.

Коммуна, являясь образцом истинного равенства всех трудящихся, должна стремиться к уничтожению в своей среде неравенства между мужчиной и женщиной».

И еще целый ряд пунктов в таком же духе.

Весь устав построен на том, что люди, которые собирались в коммуну, уже выросли, уже обоними ногами вступили на социалистическую почву, что они сами являются уже годным продуктом для социализма. Тогда как мы знаем, что материальные условия переделывают людей, и только в связи с общими изменениями условий производства, условий, связанных с повышением техники и т. д., и меняется и ум людей, и настроения их, и психика и т. д.

Вот в чем был недостаток тогдашних организаторов колхозов! Конечно, теперь такого устава уже не написать. Теперешние уставы более скромно определяют роль коллективов, в них нет тех громких фраз, которые имелись в старом уставе. И в то же время коллективизация сельского хозяйства имеет более широкие перспек-

тивы, потому что строительство социализма—это уже реальное и плановое дело Советской власти на базе индустриализации страны. Дело это находится в руках партии. Дело это имеет более твердую материальную базу, чем в 1918 г.

Основные виды коллективных хозяйств в настоящее время.

Если мы будем рассматривать формы организации существующих коллективов в настоящее время, то мы должны остановиться на трех основных видах коллективного движения: коммуны, артели и товарищества по общественной обработке земли.

Наиболее определенным и выдержанным видом колхоза является коммуна. Что это такое? Коммуна—это (старое определение) объединение людей на идее коммунистического равенства, отрицающих всякую частную собственность не только на средства производства, но и на предметы потребления.

Однако, в связи с тем, что коммуна претерпела изменения. Дух сектантства, утопичности под влиянием проверки рынком, сменился трезвым подходом—добиться проведения главного и основного, что нужно для массового вовлечения крестьянства в коммуны.

А основное заключается в том, что в этом объединении все члены не имеют личной собственности на орудия производства, скот, постройки и вещи общей жизни и обихода. Но хозяйственные и жизненные порядки не подгоняются к коммунистическому лозунгу «каждому по потребностям, с каждого по его силам».

В настоящее время коммуны изменяют свои хозяйственные и жизненные порядки, вводят учет и оплату труда по образцу фабрик и заводов (заработная плата по трудодням, норма выработки, правила внутреннего распорядка, штраф за лень и разгильдяйство, премии за хорошую работу и т. д.). Однако, разница с фабрикой та, что в коммуне оплата отдельных ее членов выравнивается. Большой разницы в оплате труда, например, скотника и председателя коммуны быть не должно. Коммуны это поравнение проводят также еще путем организации общей столовой, общественного воспитания детей, предоставления удобств жизни за общий счет и т. п. Дети и нетрудоспособные члены семей находятся на содержании всей коммуны.

Конечно, коммуна является наиболее выдержанным и законченным видом колхоза. В настоящее время переход к оплате труда меняет и быт коммуны. Это не та коммуна, которая была в первые годы революции. При сохранении основного—общности производства и главного имущества—член коммуны свободно распоряжается своим заработком, как он хочет. Вот в чем сущность изменения.

Земледельческая артель—часто только по названию отличается от коммуны, нами описанной. Разница может быть лишь та, что в артели добываемая продукция, за вычетами на удовлетворение общих хозяйственных потребностей, предусмотренных уставом, делится между членами артели по степени вложенного труда. В артели допускается иногда личная собственность на мелкий или рогатый скот. Жизнь артели больше приспособлена к отдельному существованию семей. Общего питания обычно не бывает. Но и в большинстве артелей на общий счет принимается содержание детей и нетрудоспособных членов—обычно выдают пайки на еду. Труд же и хозяйство организованы по примеру коммун по общему плану.

И в коммунах, и в артелях личное имущество вступающих членов вносится в общее имущество в качестве пая, который при выходе возвращается или вещами, или выплачивается деньгами.

Сразу организовать коммуны или артели, надо согласиться,—дело довольно сложное. Вот почему, как переходные, временные и простейшие формы коллективизации, существуют товарищества по общественной обработке земли и машинные товарищества. Они сразу не ломают единоличного хозяйства.

Товарищества по общественной обработке земли начинают с наиболее доступного для большинства хозяйств—с общей обработки земли. Объединяется земля и труд. Сельское хозяйство ведется по общему плану, но инвентарь, рабочий скот и, тем более, мелкий и молочный скот остается в личной собственности каждой отдельной семьи. Понятно, больше заработает и больше получит платы тот, у кого больше рабочих рук, больше рабочего скота. Помимо этого, при распределении доходов и урожая могут быть приняты в расчет размер земельного участка, отданного в общественную обработку, стоимость временных вкладов, внесенных отдельными членами, инвентарем, семенами и другим имуществом.

Одним словом, здесь в основе всего хозяйства лежит частная собственность каждого члена товарищества на средства производства.

Показательно, между прочим, что бедняки предпочитают организацию коммуны или артели, а середняки—товарищество.

Машинные товарищества одним своим названием показывают, что их целью является приобретение на общий счет сложных машин и общее использование их. Это еще не колхозы. Они не обязательно объединяют землю и проводят общий севооборот. А когда они делают это, то превращаются в тот или иной вид колхоза.

Трактор лучше всего содействует заведению общего хозяйства, если только он не попадает на кулацкие рельсы: тогда машинное товарищество не что иное, как простое товарищество, деятельность которого приходится рассматривать довольно часто судам не по кооперативному праву, а по Гражданскому Кодексу.

Какой вид колхоза лучше.

Когда приходится пропагандировать идеи коллективизации перед крестьянскими массами, то встает вопрос: что лучше—коммуна, артель или товарищество по общественной обработке земли? Можно ли говорить, что товарищество по общественной обработке земли предпочтительнее перед другими коллективами? Конечно, нельзя. Оно только терпимо. Оно только терпимо потому, что в недрах товарищества остаются элементы расслоения: тут вы имеете и бедняка, и середняка, и зажиточного.

Здесь получается такое положение: раз я получаю не только оплату своего труда, но и доход с своего имущества, которое я внес в товарищество, то это уже делает похожим товарищество больше на паевую компанию. Если я больше вложил, то я больше и получаю дохода, я буду больше наживать, чем другой, который пришел ни с чем.

Следовательно, товарищество по общественной обработке земли является простейшей формой колхоза. В нем нет еще крупного производства, построенного по плану и ведущегося по определенной системе. Правда, здесь проводится общий севооборот,

объединяются земля и труд, но нет того, что мы понимаем под организацией крупного предприятия.

Возьмите любую фабрику. Там все вопросы, которые касаются производства, относятся к плану ведения этого хозяйства. В товариществе этого нет. И вот почему многие такие товарищества уже переходят фактически на организацию артели. Во многих товариществах уже заводят общее имущество, например, трактор, который уже изменяет форму оплаты труда. Заводят общий скотный двор, общее хранилище, общий скот и т. д. Постепенно товарищества должны изменять и изменяют свою простейшую форму и переходят к более сложной форме коллективизации—к артели или коммуне.

Там, где возможно, надо строить сразу же артели и коммуны. Но для того, чтобы сделать коллективизацию массовой, приходится рекомендовать крестьянству сначала переход к простейшей форме коллективизации, то-есть товариществу по обработке земли. И, больше того, в этих целях надо пропагандировать не только переход к оформленному виду общественной обработки земли с принятием устава, но даже и к таким несложным формам группового и неуставного объединения, как общественная запашка, общий клин, использование запасных и неудобных земель путем общественного труда, организации группы бедноты вокруг определенных производственных процессов (супруга), использование контрактиции, как средства простейшего производственного кооперирования, и т. д. На эти мероприятия обратил внимание 15 партийный съезд.

Все это мы должны пустить в ход, потому что главная наша задача—поднять посевную площадь, скорее объединить бедноту на общей запашке. Из простейших форм объединения вполне возможно перейти на организацию правильно построенного коллективного хозяйства.

Где легче управлять хозяйством?

Интересно разобрать вопрос о преимуществах той или иной формы колхоза с точки зрения организации управления. Чем легче управлять: коммуной, артелью или товариществом по общественной обработке земли?

Приходится притти к тому выводу, что легче управлять коммуной или артелью, потому что там нет сложных вопросов, которые возникают в любом товариществе.

Возьмите машинное товарищество. Это объединение составилось с целью общей покупки машины и общего пользования ею, например, трактора, молотилки и т. д.

А как построена общественная организация управления этим машинным товариществом? Тут вы встречаетесь с огромными трудностями, потому что здесь все раздваивается между личным и общим.

Попробуйте наладить запашку земли, если земля не объединена. Большей частью бывает так, что машины используются не всеми одинаково: у кого земли или средств, или рабочих рук мало, тот числится только членом товарищества, а машиной не пользуется.

Попробуйте построить по общему плану хозяйство в товариществе по общественной обработке земли, когда в этом товариществе есть члены, не имеющие лошадей и имеющие двух лошадей, и безземельные, и владеющие в это товарищество с маленьким участком земли и пустившие в общий оборот большую площадь земли.

А затем учет. Надо учитывать особо трудодни людей и лошадей. Надо учитывать и землю, и имущество, и пай, которые вложены в товарищество. Если бы хозяйство товарищества вести как капиталистиче-

ское предприятие, то это было бы дело несложное, а так как вести его надо как предприятие коллективистическое, то это очень сложно. Здесь чаще всего интересы бедняка будут пренебрежены и он будет на последнем месте.

Таким образом, товарищества по общественной обработке земли, в смысле первоначальной организации коллективного хозяйства, более приемлемы для среднего крестьянина, легче появляются, но в дальнейшем развитии, сохраняя почву для расслоения, они представляют большие трудности в отношении управления и ведения общего предприятия, учета и т. д.

Перспективы коллективизации.

Каково положение с коллективами в настоящее время и какие цифры мы имеем? Партия ведет огромную кампанию за массовую коллективизацию крестьянского хозяйства. Те цифры, которые имелись до текущей весенней кампании, показывают, что коллективизация находится в первоначальном периоде своего развития. Цифры такие. От общей продукции сельского хозяйства коллективы давали только 2%. Товарная продукция, выпускаемая на рынок колхозами, составляла только 7% от общей товарной продукции сельского хозяйства. В то же время, например, помещичьи хозяйства давали на внутренний рынок и для вывоза за границу приблизительно 25% всей товарной продукции сельского хозяйства. Это была крепкая основа товарного хозяйства и дореволюционного заграничного вывоза. Если мы достигнем того, что коллективы вместе с совхозами дадут на рынок хотя бы немного меньше того, что давали помещичьи хозяйства, то это будет уже достаточно крепкой базой, страхующей от различных хлебозаготовительных затруднений. Вот почему одним из главных моментов развития сельского хозяйства является поднять продукцию в социалистическом секторе его, чтобы иметь твердую основу для торговли с заграницей и индустриализации.

По РСФСР за 1926 г. соотношения между разными видами коллективов были следующие: коммун—10,2%, артелей—55,2% и товариществ—34,3%. Социальный состав такой: бедняков—69,2%, середняков—28,2% и зажиточных—2,6%. Общая цифра колхозов, по данным ЦСУ, по всему Союзу равнялась 17.860. Следует, впрочем, оговориться, что все указанные цифры не представляют точности и теперь устарели.

По неполным данным Наркомзема РСФСР, к 1 мая 1928 г. по 28 губерниям и областям этой весной вновь организовано до 16 тысяч различного вида коллективных и кооперативно-производственных объединений крестьян. Рост колхозов превзошел все плановые предположения. С уверенностью можно сказать, что по всему Союзу число колхозов удвоится. Среди этой массы новых коллективов преобладают, однако, мелкие и простейшие объединения—товарищества и группы посевников. Подвести итоги весенней кампании и сделать оценку новых коллективов еще невозможно. Но совершенно ясен сдвиг в сторону массовой коллективизации. Огромная задача предстоит по укреплению, обслуживанию и инструктированию новых объединений.

Больные вопросы коллективизации.

К больным явлениям коллективизации надо отнести дикость колхозов. Что это такое? При проведении кампании массовой коллективизации есть опасность, что при организации в эту кампанию новых колхозов много кол-

хозов будет существовать на бумаге. Как это делается? Очень просто. Собирается группа учредителей (а по новому положению сел.-хоз. кооперации нужно только 5 учредителей, для мапинного товарищества—10), собирается такая группа в 5 чел., принимает устав, обещает перейти на общую запашку. Устав этот регистрируют, получают кредит. Колхоз зарегистрирован, на бумаге существует, а в действительности он ничего не сделал.

Такие колхозы «дики» в том смысле, что сел.-хоз. кооперация не проверяет их лица, и некоторые из этих колхозов утверждают устав только для того, чтобы получить кредит. Это еще не лже-колхозы, это просто еще пустое место.

Вероятно, большой процент «диких» колхозов составляют те, которые именно представляют собой пустое место. Затем общее условие «дикости» заключается в том, что, несмотря на проведение в жизнь устава, несмотря даже на то, что люди объединили средства производства, объединили землю и, может быть, провели землеустройство,—все-таки они не состоят членами сел.-хоз. кооперации. Вот почему их называют «дикими». Материалы РКИ показывают (хотя точных цифр никто не знает), что количество их доходит, приблизительно, до 40%. Какие колхозы относятся к диким? Вероятно, большей частью, зажиточные товарищества.

Декретом Совнаркома СССР о плане государственных мероприятий по сельскому хозяйству на это было обращено внимание и дан приказ ликвидировать «дикость» коллективов.

Уничтожить это явление можно двояким путем: или уничтожить на бумаге, заставить все коллективы, до сего времени не входящие в сельско-хозяйственную кооперацию, записаться в таковую, или путем живого вовлечения каждого колхоза в с.-х. кооперацию, когда посетят «дикий» колхоз, спросят о причинах дикости и, самое главное, втянут такой колхоз в сферу обслуживания коллективного движения и его руководства. Конечно, полным извращением директив правительства явится такое понимание ликвидации диких колхозов, когда будут прекращать их существование. А иногда путаница с пониманием слова ликвидировать встречается. У нас слово «ликвидация» имеет несколько значений, и есть такие простакни, которые ликвидацию понимают в буквальном смысле.

Лжеколхозом называется такой коллектив, который главной своей целью ставит личную выгоду какой-нибудь одной группы, и очень часто против интересов остальных членов объединения. Это бывает тогда, когда во главе колхоза становится кулацкая семейка или когда колхоз состоит из одних родственников, с преобладанием кого-либо одного наиболее зажиточного. В процессе деятельности колхоза или выплаты кредитов за машину и т. п. получается так, что машина, купленная, как общая собственность, становится фактически личной собственностью одного или нескольких лиц, как фактических хозяев. Это обычный вид лжеколхозности.

Но надо сказать, что всякий коллектив имеет опасность превратиться в лжеколхоз, потому что преуспевающий колхоз заинтересован в том, чтобы замкнуться в своих рамках, не пускать в свою среду новых членов. Создается такая психология: вдруг является голодный человек «на готовенькое» и хочет «нашими трудами пользоваться». Естественное стремление: не пускать или затруднить вступление в колхоз новых членов. В конечном итоге, колхоз может превратиться в обыкновенную паевую компанию, которая пользуется нажитым сообщем капиталом и развивается как капиталистическое предприятие, как коллективный кулак.

Таким образом, опасность замкнутости, перерождения стоит перед каждым колхозом, даже вначале построенном правильно. Средством борьбы с этой опасностью является объединение колхозов в общую организацию, расширение стоящих перед ними хозяйственных задач по линии укрупнения и объединения, а главным образом, постепенное вовлечение в колхозы массы новых членов и определенное руководящее влияние на социалистическое развитие деревни.

Борьба с лжеколхозами также должна вестись умело. Иногда путем обезвреживания главенствующей кулацкой группы или отдельного кулака можно оздоровить и вдохнуть коллективный дух в объединение. Можно ведь усилить состав его новыми членами и т. п. В таких случаях роспуск существующего колхоза представляется нецелесообразным.

(Продолжение следует)

А. Лисицын.

Дальнейшее упрощение и улучшение гражданского процесса.

Вопрос о мерах к упрощению и улучшению гражданского процесса был неоднократно предметом обсуждения и на страницах нашей печати, и на пленумах судов, и на собраниях работников юстиции, и, наконец, подвергался специальной проработке и в НКЮ и в НК РКИ.

Постановление объединенного заседания Коллегией НК РКИ СССР и РСФСР от 10 сентября 1927 г., опубликованное в свое время в «Е. С. Ю.» (№ 39 и № 40 1927 г.), наметило целый ряд изменений в действующих нормах гражданского процесса. Часть предложений НК РКИ, не требовавшая законодательной санкции, была тогда же проведена НКЮ циркулярами №№ 111 и 192 1927 года.

Однако, этим далеко не исчерпываются все те преобразования, которые были намечены НК РКИ, а равно и те предположения, которые были выдвинуты в процессе повседневной работы нашими судами и проведения которых настойчиво требует жизнь.

Предложения НК РКИ, надо полагать, уже достаточно хорошо известны читателям, тем более, что по поводу многих из них в «Е. С. Ю.» был помещен целый ряд статей, в которых обсуждались доводы как за, так и против этих предложений.

В настоящей статье делается попытка указать на те изменения ГПК, которые не охвачены указанными предложениями, и которые в значительной мере выдвинуты практикой отдельных судов.

Прежде всего, надо остановиться на некоторых дополнительных предложениях, касающихся мероприятий, направленных к тому, чтобы каждое гражданское дело было по возможности рассмотрено по существу и закончено в первом же заседании по делу. Циркуляр НКЮ № 192, правда, уже сделал значительный шаг в этом направлении, обязав нарсудей (и членов суда) самих принимать иски, заявления, производить опрос истца, а иногда и ответчика (вызвав его в суд), с тем, чтобы все необходимые по делу доказательства были собраны и находились в распоряжении суда к моменту рассмотрения дела по существу. Тем не менее на этом останавливаться нельзя. В частности, во избежание ненужной волокиты, необходимо предоставить право народному судье (и члену суда) единолично составить протокол о всех обстоятельствах дела, которые при предварительном опросе признаны были сторонами. Эти обстоятельства, если они, ра-

зумеется, не вызовут сомнений в своей правильности у суда, в дальнейшем считаются уже установленными и никакой проверки доказательств в отношении этих обстоятельств (допрос свидетелей, экспертов, представление документов и т. д.) суд не производит.

Далее, в тех случаях, когда по делу выяснится необходимость произвести экспертизу или осмотр на месте или допросить свидетелей, живущих вне того населенного пункта, где находится рассматривающий дело суд, судья единолично выносит постановление о производстве этих поверочных действий, чтобы к моменту рассмотрения дела по существу все указанные действия уже были произведены. В связи с изложенными предложениями должна быть соответственно дополнена ст. 80 ГПК.

Другой род предложений касается извещения сторон о слушании дела. Всем судебным работникам хорошо известно, сколько затруднений на практике вызывает посылка повесток и получение сведений об их вручении. В виду этого является весьма желательным свести к минимуму случаи извещения сторон повестками.

Извещение истца о дне слушания дела, как устанавливает циркуляр НКЮ № 192, должно по общему правилу производиться путем объявления ему об этом (под расписку) при самой подаче искового заявления, а в случае вызова его для совместного опроса с ответчиком — при этом опросе. Это правило надо включить в ГПК. Если ответчик был вызван для предварительного опроса, то ему также объявляется под расписку о дне слушания дела.

Далее, ГПК надо дополнить статьей, которая бы обязывала суд при всяком отложении слушания дела немедленно назначать день нового слушания дела и объявить об этом сторонам (под расписку). Никаких повесток о дне слушания дела им уже не надо будет посылать. Если по делу были вызваны свидетели или эксперты и они по каким-либо причинам не могли быть допрошены, им также должно объявляться под расписку о дне, на который переносится их допрос. Наконец, в действующем ГПК имеется ст. 74, которая возлагает на тяжущихся обязанность извещать о перемене своего местожительства. Посланная по последнему известному суду адресу повестка считается врученной, если даже адресат более там не проживает. Это правило весьма целесообразно. Но его надо также дополнить. Если суд получит извещение, что адресат выбыл, не указав адреса, то нет никакой надобности в дальнейшем продолжать беспечную посылку повесток по указанному адресу. Все повестки (формально считаясь врученными) должны оставаться в канцелярии суда и храниться до тех пор, пока тяжущийся сам не явится и не укажет своего нового места жительства. Эти меры, надо думать, значительно разгрузят суд от посылки повесток, в тех случаях, когда этого можно избежать, и тем самым будут содействовать ускорению движения судебных дел.

Постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР от 16 января 1928 г. разрешение целого ряда категорий гражданских дел в порядке судебного приказа заменено исполнительными надписями нотариальных контор (С. У. 1928 г. № 11, ст. 97 и № 14, ст. 111). Так по делам о взыскании денег и требованиях о возврате или передаче имущества по мировым сделкам, совершенным в судебном порядке, по соглашениям об уплате алиментов, заключенным в порядке, предусмотренном Код. зак. о браке, семье и опеке, по расчетным книжкам на зарплату, по счетам на квартплату, просроченную взносом трудящимся более 2 месяцев, а лицами, живущими на нетрудовой доход — более 7 дней, по счетам за коммунальные услуги, по докумен-

там об уплате страховой премии по обязательному не-
окладному страхованию, по обязательствам профсоюзных
касс взаимопомощи и некоторых других взамен выдачи
судебных приказов (ст. 210 ГПК в ред. пост. ВЦИК и СНК
от 25 июня 1927 г.) теперь производятся исполнительные
надписи нотариальными конторами.

Выдача судебных приказов сохранена лишь в отно-
шении документов, 1) устанавливающих просрочку (долж-
никами и их поручителями) по ссудам, полученным от
кредитно-кооперативных товариществ, 2) устанавливаю-
щих просрочку членами промысловых кооперативных то-
вариществ платежей по отпущенным в кредит орудиям
промысла и материалам для производства, 3) устанавли-
вающих просрочку платежей за проданные в рассрочку
сельско-хозяйственными кооперативными товариществами
семена, скот, материалы, сельско-хоз. машины и прочий
сельско-хозяйственный инвентарь, и 4) устанавливающих
просрочку платежей по индивидуальному товарному кре-
диту, полученному в государственном предприятии, по-
требительском обществе или союзе потребительских об-
ществ («С. У.» 1928 г. 11, ст. 97).

Поскольку порядок совершения исполнительных над-
писей нотариальных контор признан вполне применимым
для целого ряда категорий дел, разрешавшихся до на-
стоящего времени путем выдачи судебных приказов, по-
скольку принципиальных отличий группа документов,
взыскание по которым должно производиться путем по-
лучения судебного приказа, от документов, по которым
взыскание производится путем исполнительной надписи
нотариальной конторы, не имеется, нет никаких основ-
аний препятствовать тому, чтобы все без исключения взы-
скания в порядке судебного приказа заменить взыскания-
ми в порядке совершения исполнительной надписи.

В связи с этим вся глава ГПК, касающаяся судебных
приказов, будет полностью исключена из ГПК.

В отношении обжалования решений суда практика
выдвигает также ряд предложений.

Первое из них касается срока на обжалование. Есть
ли какие-нибудь достаточно серьезные основания, чтобы
устанавливать один срок для обжалования решений нар-
суда, другой для обжалования решений губернских, ок-
ружных, краевых и главных судов, и не следует ли во-
обще сократить сроки на подачу кассационной жалобы
по решениям не только губернских и соответствующих
им судов, но и народных судов. Ведь если бы стороне,
приносящей кассационную жалобу, надо было собирать
для этого дополнительные материалы, наводить какие-
нибудь справки, то, разумеется, по сложному делу на
это потребовался бы более или менее значительный срок.
По так как кассационная жалоба может содержать в
себе указания лишь на материалы, имеющиеся в деле,
поскольку никакие новые доказательства в кассационной
инстанции представляться не могут, стороне достаточно
несколько дней, чтобы написать жалобу и подать ее в
суд. С этой точки зрения нельзя не приветствовать
проекта УПК («Е. С. Ю.» 1927 г. № 48), который сокращает
срок на обжалование приговоров народных судов по уго-
ловным делам до семи дней. Этот именно срок надо уста-
новить и для обжалования всех без исключения решений
по гражданским делам. Во всяком случае, если уже оста-
вить срок для обжалования решений народного суда в две
недели, то этот же двухнедельный срок надо установить
и для обжалования решений всех других судов—губерн-
ских, окружных, краевых, областных и главных, соответ-
ственно изменив ст. 238 ГПК.

Далее необходимо остановиться на порядке восста-
новления срока на подачу жалобы, если срок был по ка-
ким-либо причинам стороной пропущен.

По действующему правилу пропущенный на подачу
кассационной жалобы срок, как всякий пропущенный
стороной срок, может быть восстановлен лишь судом (в
полном составе: судья и два нарзаседателя) и притом
в судебном заседании с вызовом сторон (ст. 63 ГПК). Про-
пуск срока есть момент чисто формальный, и единствен-
ный вопрос, который стоит перед судом в этом случае,
сводится к тому, доказала ли сторона, что пропуск срока
произошел по уважительной причине или нет. В какой
мере содействовать разрешению этого вопроса может
другая сторона? Ведь этот вопрос не касается вовсе пра-
вовых взаимоотношений тяжущихся, и сведения по нему
могут быть у противной стороны только случайно. Кроме-
того, едва ли этот чисто процессуальный вопрос требует
участия в его разрешении народных заседателей. Поэто-
му будет вполне целесообразно в интересах упрощения
процесса и ускорения движения дела передать разреше-
ние вопросов о восстановлении сроков и притом во всех
случаях (а не только при пропуске срока на подачу ка-
ссационной жалобы), на единоличное разрешение нар-
судьи (члена суда), имея в виду, что отказ в восстано-
влении срока может быть обжалован в порядке частной
жалобы на основании циркуляра Верховсуда № 66 1923 г.,
по которому частные жалобы могут приноситься помимо
случаев, прямо предусмотренных в законе, также и во
всех тех случаях, когда определением суда преграждает-
ся возможность дальнейшего движения дела. Кстати,
было бы полезно указанное весьма существенное пра-
вило включить в ГПК, дополнив им статью 249 ГПК.

Наконец, надо обсудить предложения, выдвигавшиеся
в той или иной форме некоторыми судами—предложения,
сводящиеся к недопущению кассационного обжалования
по наименее важным делам, в частности, по делам с це-
ной иска на сумму не свыше 10—15 рублей.

Нельзя, конечно, отрицать того, что дела по искам
на сумму 3, 5, 8, 12 рублей затрагивают, вообще говоря,
незначительные имущественные интересы, а между тем
кассационное обжалование по этим делам заставляет це-
лый ряд должностных лиц судебного аппарата произво-
дить довольно большую и сложную работу.

Однако, надо учесть то обстоятельство, что для ши-
роких кругов трудящихся масс сумма в 8—12—15 рублей
представляет значительную ценность, что во всяком слу-
чае, надо полагать, что она представляет значительную
ценность для того, кто обращается с таким иском в суд.
Поскольку государство не находит возможности вообще
отказаться от рассмотрения указанных дел, оно должно
гарантировать их правильное решение. Очень часто
сторонники воспрепятствования кассационного обжалования по
тем или иным категориям дел приводят в качестве одного
из самых существенных аргументов то соображение,
что на практике число обжалований по этой катего-
рии дел ничтожно и что, следовательно, суды первой
инстанции хорошо разбираются в этих делах, почему
надобности в допущении кассационного обжалования по
этим делам, не имеется. Этот аргумент совершенно не-
правильный. Прежде всего, если кассационные жалобы по
таким делам фактически не подаются или подаются в
редких случаях, то нет решительно никакой надобности
устанавливать формальную преграду для подачи этих
жалоб, так как разгрузка кассационной инстанции будет
крайне ничтожна. Но, самое главное, выводы о правиль-
ности решений первой инстанции делаются на основа-

нии практики, которая сложилась при наличии правила о возможности кассационного обжалования этих решений. Между тем, такая норма посомненно сама по себе служит весьма серьезным средством для того, чтобы заставить суд первой инстанции держаться в рамках, установленных законом. Как только кассационное обжалование (в отношении той или иной категории дел) будет отменено и указанное сдерживающее средство отпадет, для судов первой инстанции создается возможность допускать по обстоятельствам дела любые отступления от закона и стороны лишены будут всякой возможности (если не считать сложного и во многих случаях неприменимого пересмотра дела в порядке надзора) обжаловать и добиться отмены неправильного и незаконного судебного решения.

В виду этого от запрещения кассационного обжалования по каким бы то ни было категориям дел следует воздержаться, т. к. такое упрощение гражданского процесса несомненно может повести к ухудшению качества судебных решений. Об этом нельзя забывать.

С. Аскарханов.

Нотариальные функции волисполкомов и сельсоветов.

В № 13 «Е. С. Ю.» за 1928 г. тов. М. Пригравов в весьма обстоятельной статье уже рассмотрел все то новое, что принес с собою последний закон о нотариальных функциях волисполкомов и сельсоветов от 26/IX—27 г. («С. У.» 27 г. № 100, ст. 668). Поэтому настоящая статья имеет в виду лишь отдельные вопросы, возбуждаемые в связи с упомянутым законом, но недостаточно полно

освещенные в статье т. Пригравова. К числу этих вопросов, и притом порождающих на практике наибольшее количество всяких недоумений и ошибок, относится, прежде всего, вопрос о разграничении нотариальных функций волисполкомов и сельсоветов от регистрационных. Коренная ошибка низовых органов заключается в том, что они подчас совершенно не улавливают разницы между удостоверением и регистрацией. Теперь же, как совершенно правильно замечает по этому поводу т. Пригравов, «при расширении нотариальных функций волисполкомов и сельсоветов и сосредоточении в них того и другого эти два действия, можно думать, еще больше будут смешиваться, между тем как они в корне различны». Это смешение заставило одно время практических работников по сельнотариату выдвинуть крайнее положение, сводящееся к слиянию в виках и сельсоветах нотариальных функций с регистрационными, или, точнее, к производству регистрации по правилам нотариального удостоверения с последующей отметкой о совершенной сделке в документах земельной регистрации. Однако, это упрощение не могло пройти в жизнь, главным образом, из-за различия целей, преследуемых обоими этими порядками, а также и различия органов, ведающими тем и другим.

Нам кажется, что в этом вопросе нужно исходить из следующих положений. Совершенно верно, что регистрация не имеет ничего общего с нотариальным удостоверением сделки. Регистрация имеет своей целью учет и фиксирование различного рода изменений, происходящих как в имуществе, так и в лице его собственника. Регистрации подлежат только наиболее важные моменты таких изменений, считающиеся таковыми в данное время законодателем. Основанием для подобных изменений, подлежащих регистрации, могут быть различные факты—

Экономическая контр-революция в Донбассе.

(Продолжение ¹⁾).

Когда-то меньшевик, подпольщик, член Петербургского Комитета Р.С.-Д. Р. П. и одно время даже редактор партийного органа подсудимый Калнин впоследствии отошел от рабочих, стал ближе углепромышленникам Донбасса. Калнин не отрицает своей осведомленности о вредительской работе, он знал о ней, но не общался. Он твердо помнит даже, что он несколько раз получал от подсудимого Некрасова деньги, но вот что эти деньги он получал не просто, он не догадывался. Между тем, работа основных производственных единиц Несветаевского рудоуправления — ряда шахт велась в недопустимых условиях. Начать с подачи электроэнергии. С подачей были постоянные нелады: то и дело случались простои из-за перерывов в подаче тока. На простои уходило до 50% рабочего времени. Несветаевское рудоуправление пыталось построить свою электростанцию, используя имеющуюся в Грушевском рудоуправлении бездействующую машину. Березовский, однако, не разрешил. Правда, он дал другую, негодную машину. Ремонтировали, ремонтировали эту машину, но толку из этого не вышло. Не луч-

ше было дело и с насосами. Донуголь прислал их на 2 года позже. Еще хуже с постройкой новой сортировки (старая была совершенно изношена). Кредиты на нее заместитель управляющего Донуглем подсудимый Бояршинов из года в год то разрешал, то задерживал. Так новая сортировка и осталась непостроенной. Калнин заявляет суду о своем социалистическом мировоззрении, и если он получал деньги от врагов социализма, то этим самым он совершил преступление. Он преступник, он в этом сознается.

Решительно ни в чем не виновен, никогда не был знаком с Березовским, не участвовал во вредительской организации — вот короткое резюме показаний подсудимого Некрасова. В самых радужных красках Некрасов пытается изобразить свою работу в Несветаевском рудоуправлении. По свидетельствам неумолимо опровергают подсудимого: грубое обращение с рабочими, постоянные угрозы тюрьмой во времена белых, порой рукоприкладство, участие в совещании инженеров при контр-разведке для налаживания разведки среди рабочих, выдача двух рабочих на растерзание. А вот что, удивляя с белыми от Красной армии, он захватил с руд-

ников двух лошадей, которых потом продал, а деньги присвоил себе, подсудимый и сам не отрицает. Березовский же при упорном запертичестве Калнина подтверждает и выдачу денег Калнину для распределения между нужными людьми, и участие Калнина во вредительской работе.

Такой же тактики отрицания предъявленного ему обвинения держится подсудимый Кувалдин. В организации он не состоял, о существовании ее он не знал, со старыми хозяевами связи не держал, шахт не затоплял. Подсудимого характеризуют свидетели: Кувалдин — ярый враг Советской власти, он открыто злорадовался (подсудимый поправляет: «критиковал») по поводу каждого неуспеха в советском строительстве. Кувалдин поддерживал связь с углепромышленником Парамоновым (проживает в Париже) и получал от него субсидии. Письма от Парамонова к Кувалдину видел ряд свидетелей. Подсудимый отличался постоянным затиранием рабочего изобретательства (а такая директива была). «Не беспокойтесь, все в порядке» ответил он предупреждавшим его о том, что идет весенняя вода и надо приготовить водоотливы на шахте № 2. И шахту затопило. А Кувалдин мог насчитывать 100.000 убытку, нанесенного им советскому хозяйству.

Шуткой, каламбуром, считал я слова Сущевского — «Вот вам премия от Дворжанчика» (старого хозяина), когда тот передал мне в первый раз

¹⁾ См. № 22 «Е. С. Ю.»

смерть собственника и переход имущества к наследникам, демунципализация, сделки по купле-продаже и залогу имущества, и т. п. Как регистрация, хотя бы обязательная, не может заменить собой нотариального удостоверения сделки, если таковое требуется по закону или совершается по желанию сторон, так и, наоборот, нотариальное удостоверение не может заменить регистрацию. Пример—обязательное нотариальное удостоверение сделок по купле-продаже и залогу городских строений и последующая обязательная регистрация этих же сделок в органах коммунального хозяйства. Те же правила должны найти полное применение и к сделкам, подлежащим земельной регистрации. Всякая такая сделка, будь то аренда земли, раздел трудового сельскохозяйственного хозяйства, купля-продажа строений не на снос, залог их, поскольку каждая из них устанавливает права и обязанности сторон, может быть, по нашему мнению, нотариально удостоверена по желанию сторон. Это удостоверение, конечно, ни в какой мере не препятствует последующей регистрации этих сделок, как не препятствует ей и сейчас нотариальное удостоверение купли-продажи городских строений. Больше того—имеется ведь прямое указание и в инструкции НКЮ от 4/III—28 г. № 46, что купля-продажа и залог внегородских строений могут быть также, по желанию сторон, нотариально удостоверены с последующей обязательной регистрацией.

Из того, что не имеется ни в законе, ни в ведомственных распоряжениях точных указаний относительно возможности нотариального удостоверения сделок, подлежащих земельной регистрации (за исключением, как это мы уже указали, сделок по купле-продаже строений не на снос и залогу их) нельзя делать тот вывод, что такое нотариальное удостоверение недопустимо. Остерегаемся сделать подобный вывод и т. Приградов в упоми-

навшейся нами статье. Он лишь замечает, что, «во всяком случае, бесспорно, что нотариальное удостоверение таких сделок не может заменить регистрацию». О замене конечно, нельзя и говорить, но, с другой стороны, нет никаких разумных оснований не допускать, если стороны того пожелают, нотариального удостоверения сделок, хотя бы и подлежащих затем обязательной регистрации.

В сущности говоря, если основываться на точном смысле пост. от 26/IX—27 г., то нет никакой надобности поднимать и самый вопрос о возможности нотариального удостоверения сделок, связанных с сельскохозяйственным и подлежащих в силу того регистрации в подворных книгах. Пост. от 26/IX—27 г. вообще говорит о сделках, не выделяя сделок, подлежащих только регистрации, это выделение сделано лишь в инстр. от 7/I—28 г. № 2/8¹⁾. Однако, поскольку такое выделение в последней имеется, необходимо во всей широте поставить возбужденный вопрос и разрешить его в том именно направлении, как это указано выше.

Разрешение вопроса в указанном выше смысле облегчит труд работника вика или сельсовета, так как ему не нужно будет ломать каждый раз голову, какой же из двух порядков нужно применить к данному случаю. Сделать же простую отметку в подворной книге на основании нотариально удостоверенной сделки, будет, конечно, значительно легче, чем проделывать полностью все требуемые при регистрации действия. Но, если это положение и было бы спорным, то нельзя забывать того обстоятельства, что нотариально удостоверенная сделка имеет для сторон значительные преимущества, которых

¹⁾ Тов. Приградов в цитированной нами своей статье ошибочно относит это выделение к самому пост. от 26/IX—27 г., говоря о применении к ст. 2 указанного постановления, какового, однако, в тексте закона не содержится. Л.

деньги—говорит подсудимый Одров, работавший в Щербиновском рудоправлении. Какого, однако, происхождения эти деньги, подсудимого не заинтересовало. Премия так премия, хотя и не было, что премировать: никаких достижений на рудниках не назовешь. О вредительских директивах Дворжанчика он ничего не знает. Правда, от Дворжанчика письма он получал, но только в качестве передатчика третьим лицам. Что писал Дворжанчик, ему неизвестно. Впрочем, от Будного он как-то слышал, что в письме Дворжанчик просит давать ему сведения о добыче, о себестоимости, об общем положении рудников. Да, будучи передатчиком писем, он не преминул сообщить Сушевскому просьбу Будного поскорее послать Дворжанчику нужные ему сведения. А Сушевский ответил: все будет исполнено. В другом письме была директива о механизации шахты «Новой» и закладке новых шахт. Неужели не понимал истинного смысла этих директив подсудимый?—интересуется обвинение.—Нет, хотя и должен был понимать; директивы же проводились в жизнь—признается Одров. Вредительская деятельность подсудимого конкретно выражалась в закладке нерентабельных шахт.

В 25 году на Щербиновке наблюдается закладка мелких шахт, ряд из них по соседству со старыми разработками. Соседство было заведомо опасным. Старые разработки грозили захлестнуть прорвавшейся водой по-

вые прокладки. Не зная об этом было нельзя. И вода действительно прорвалась и затопила пять шахт. Почему закладывались мелкие шахты? Нужен был уголь—говорит подсудимый. И тут же признается, что мелкие шахты разрабатывать было совсем нерационально.

Подсудимый Люри—непосредственный проводник директивы о прокладке мелких шахт. Такая прокладка, по его словам, не носила вредительского характера. И если в шахты хлынула вода и их затопила, так только из-за отсутствия водотлива и недостатка котлов их не удалось отстоять. Между тем, проходка шахты и попытка откачки стоили 62 тысячи рублей. Другой затопленный шурф стоил 26 тысяч рублей. Против закладки этого шурфа подсудимый в свое время протестовал, но по распоряжению Березовского работа продолжалась. Березовский не отрицает этого факта, но уверяет, что в плане этой закладки было предусмотрено затопление шурфа, и план этот был известен Одрову, Люри, Стояновскому. На Артемовском руднике в бытность там Люри строили неправильно перемычки, уголь самовозгорался. Угля было приведено в негодность до 9.600.000 килограмм. Люри получал деньги от Сушевского, Мартянова, Будного. Он и не отрицает этого. Но и он для объяснения факта получения денег говорит о «премиальных», хотя, давая деньги, Сушевский сказал ему: «получите и молчите».

Отрицанием вредительских действий, объяснением случайностью всяких неудач характерны показания подсудимого Стояновского. Деньги он получал «на законом основании»: выписывались ведомости на премиальные, выдавал деньги кассир, он не мог подозревать, что деньги плохо пахнут. Но вот Одров и Люри утверждают, что ведомость-то действительно выписывалась, да деньги по ней выдавал бухгалтер Мартянов, а не кассир, и в этой ведомости фамилия Стояновского обойдена не была! И Стояновский эти деньги получал, и не только получал, но по своему выражал «благодарность»: «Дурак Дворжанчик, что дает деньги; у него все равно ничего не выйдет». Попытки отрицать произнесение этой фразы оказываются беспомощными, и подсудимому остается только признаться в ней. О смысле же получения денег, их источнике и назначении ему было известно из личной беседы с ним Сушевского—свидетельствует последний. Сушевский зато не прочь признать, что деньги Дворжанчик давал на самом деле зря: они его интересы не защищали.

Щербиновка знает и другие вредительские акты: Сушевский постоянно отказывал в средствах на ремонт, ссылаясь на Донуголь, что тот не отпускает денег. Там, с Центральной шахты, по распоряжению Березовского, сняли силовую станцию будто-бы для переноски на шахту № 5, да только и сейчас она на этой шахте без-

не имеет сделка, только лишь зарегистрированная. Мы имеем в виду возможность получения по нотариально удостоверенным сделкам исполнительных надписей, возможность, не имеющая места в отношении только зарегистрированных сделок. По таким сделкам, как, например, раздел имущества, аренда земли, эта возможность может дать вполне реальные результаты, которых нельзя недооценивать. Поэтому, в интересах сторон, мы не можем присоединиться к мнению т. Приградова, что «совершенно излишне прибегать к столь сложному порядку (т.-е. нотариальному.—В. Л.), так как вполне достаточно зарегистрировать такую сделку в подворной книге»⁴⁾. Таким образом, по нашему мнению, вполне допустимо нотариальное удостоверение, по желанию сторон, всех вообще сделок, подлежащих обязательной регистрации, с тем, чтобы эти сделки по удостоверению были бы зарегистрированы в сельсовете.

Далее, необходимо остановиться на выяснении истинного смысла п. 7 ст. 1 и п. 7 ст. 2 постанов. от 26/IX—27 г., касающихся «регистрации» сделок купли-продажи строений в сельских местностях и разграничивающих права вигов и сельсоветов в этом отношении, в зависимости от суммы сделки. Эти пункты вызывают более всего недоумений. К соображениям т. Приградова по этому вопросу нужно добавить следующее. Ст. 19 пост. от 23/VII—27 г. «о пересмотре прав и обязанностей местных органов советского управления» («С. У.» 27 г. № 79, ст. 533) расширяет права сельсоветов в области нотариальных функций. Она говорит о предоставлении сельсоветам права «засвидетельствования» (по старой терминологии) некоторых договоров, в том числе и договоров

купи-продажи, на сумму до 300 р., при чем в примечании оговаривается, что «указанная сумма может достигать до шестисот рублей, если объектом сделки являются строения». Однако, ст. 19 не выдерживает до конца термин «засвидетельствование». Говоря здесь же о договорах по перевозке почты, заключаемых крестьянами-земледельцами, ст. 19 пользуется уже не термином «засвидетельствования» этих договоров, а термином «регистрация». Однако, как из листа, занимаемого этой статьей в постановлении, так из общего смысла ее, видно, что она касается лишь нотариальных функций сельсоветов, не касаясь совершенно регистрационных, в тесном смысле этого слова, действий. Однако, недостаточно выдержанная терминология этой статьи (применение в одном случае слова «регистрация» к чисто нотариальному действию) привела, как это мы увидим, к дальнейшей путанице уже в пост. от 26/IX—27 г.

О регистрации в прямом значении этого слова в постановлении от 23/VII—27 г. говорится лишь в ст. 106, в разделе мероприятий по землеустройству. П. «г» этой последней статьи передает сельсоветам «оформление и регистрацию, по представлениям земельных обществ, продажи построек с оставлением на месте», очевидно, без ограничения суммы. При этом в примечании к указанной статье говорится, что эти функции (т.-е. по регистрации вообще) могут быть передаваемы постановлением уполномоченному введению волисполкома, если сельсоветы по состоянию своего технического аппарата не могут с ними справиться.

Пост. от 26/IX—27 г. о нотариальных действиях вигов и сельсоветов, перечисляя в ст. 2 нотариальные функции сельсоветов, в части прав их на удостоверение различного рода сделок полностью использовало содержание уже упомянутой нами ст. 19 пост. от 23/VII—27 г.

⁴⁾ Хотя это высказано в отношении регистрации сделок купли-продажи строений, но, очевидно, относится и к прочим сделкам подлежащим регистрации. Л.

действует. Зато на нужные работы не было денег. К этим делам приложил руку подсудимый Семенченко, механик на Щербиновке. На суде он свое участие во вредительской организации отрицает. Что подсудимый получал деньги от Сущевского, что эти деньги шли от Дворжанчика, об этом говорят показания Семенченко на предварительном следствии, это утверждает на суде Сущевский.

На производственных совещаниях старые рабочие говорили: нельзя проходить новые шахты поблизости старых разработок, давно затопленных; администрация (Сущевский) их не слушала. Закладывали шахту № 9, а на поверхности заложили дома для рабочих. Подошли по пласту к домам, почва села, дома скосило. Пришлось прокладку прекратить. В результате до 40 с лишним миллионов килограмм остались невыработанными. Казалось бы, Сущевский должен был предвидеть бесцельность данной прокладки.

Сущевский безговорочно признает свою виновность. Еще в 1921—22 гг. установилась у него связь с Дворжанчиком, старым директором и крупнейшим акционером Щербиновки. Одно из писем в 1923 году привез Одров, передал ему Будный. В письме был совет продолжать проходку шахты «Новой». Дворжанчик интересовался, кто из старых служащих остался, кому можно доверять, кто сколько получает. Все это подкреплялось приложением: денежным

пакетом с 1.000 рублей в червонном исчислении. Сведения были посланы. Осенью инженер Донугля Бахтиаров привез на рудник снова деньги от Дворжанчика и сообщение, что за границей образовалась группа прежних владельцев, которая хочет прочно связаться со своими бывшими служащими и через них оказывать влияние на работу промышленности в Донбассе. С этого момента Сущевский, договорившись с Бахтиаровым о дальнейшей вредительской работе, стал членом подпольной вредительской организации. Закладка мелких шахт вовсе не случайность, как пытались объяснить Люри, Одров, Стояновский. Директива о закладке мелких шахт была получена в 1924 году от Дворжанчика. Откуда шли деньги, по словам Сущевского, все хорошо знали. Сам он не слишком интересовался деньгами, хотя и продолжал их брать. Получу я деньги или нет, моя юридическая ответственность от этого не изменится—так рассуждает Сущевский.

Сущевский, по его словам, не был организатором. Зачинщиками были Бахтиаров и Матов: Руководящую роль во вредительстве играл групповой директор Донугля: Бахтиаров, Матов, Мешков, Березовский, Детер, Шадлун, Потемкин. Не директорат, а вредительская организация. Вредительство Сущевского было вознаграждено, «директорат» его повысил, перевел в управление нового строи-

тельства Донбасса—главный штаб вредительской организации.

Немецкий монтер подсудимый Баштибер устанавливал в Донбассе машины фирмы Кнаппа, по поручению фирмы. Его здесь просили переоборудовать машины для верхней зарубки. Машины-то надо было заказывать прямо для верхней зарубки, а не переоборудовать. Тем не менее, он переделал. На работе выяснилось, что зубцы машины быстро изнашиваются. При разборке врубовой машины на шахте им. Воровского для приспособления ее к верхней зарубке, он убедился, что машина плоха. Он сообщил об этом представителю фирмы Зеебольду, а затем подсудимому Никишину и Гаврюшенко. Недостаток было предложено исправить ему самому. Это было невозможно, тем не менее, машину спустили в шахту... Она делала слабую проходку. У другой машины, когда она подошла к твердым кварцевым пластам, то и дело стали портиться зубцы. Возражать против этого было некому. Никишин и Гаврюшенко, по словам Баштибера, больше палегали на выпивку с ним и Зеебольдом. По поручению Зеебольда, Баштибер как-то передал Никишину и Гаврюшенко два пакета с просьбой не мешать приемке машин. Поручение было выполнено. Но когда Никишин и Гаврюшенко предложили Баштиберу подписать акт о приемке машин, тот отказался. В Бурове, по свидетельству Баштибера, машины были поставлены тоже плохие. В од-

Вместе с тем, так же, как и ст. 19, терминология ст. 2 пост. от 26/IX—27 г. оказалась невыдержанной, но уже в ином отношении. Заменяв устарелое слово «засвидетельствование» словом «удостоверение» в отношении сделок, поименованных в п. 2 ст. 2, и устранив неправильный термин «регистрация» в отношении договоров на перевозку почты, пост. от 26/IX—27 г. ввело, однако, неудачный термин «регистрация» в отношении сделок купли-продажи строений не на снос. Однако, не трудно видеть, что и пост. от 26/IX—27 г., как и пост. от 23/VII—27 г., употребляя в данном месте термин «регистрация», не имело в виду регистрацию в тесном смысле этого слова. Во-первых, оно относит, как это и видно уже из самого содержания и наименования декрета, подобную «регистрацию» этих сделок к нотариальным действиям и подчиняет ее общим правилам нотариального удостоверения. Во-вторых, оно ограничивает полномочия сельсоветов по «регистрации» указанных сделок по сумме их, между тем как по постап. от 23/VII—27 г. сельсоветы регистрируют (в порядке земельной регистрации) подобные сделки вне зависимости от суммы, при чем, однако, учитывая объективные условия, неисполкомы могут только полностью лишать их права регистрации вообще, передавая таковую в вики. Ограничение же прав сельсоветов по сумме сделки, как это мы уже видели выше, по постановлению от 23/VII—27 г., применяется исключительно к нотариальным правам сельсоветов (ст. 19 пост.).

Отсюда можно сделать следующий вывод—в п. 7 ст. 1 и в п. 7 ст. 2 пост. от 26/IX—27 г. говорится не о регистрационных, в прямом смысле этого слова, действиях вигов и сельсоветов, а о нотариальных, при чем п. 7 ст. 2 лишь расширяет для сельсоветов право удостоверения сделок по купле-продаже, ограниченное в п. 2

этой же статьи суммой 300 рублей, до 600 рублей, если объектом этих сделок являются строения, расположенные в районе действия сельсовета. Термин же «регистрация», употребленный в обоих 7-х пунктах, явился лишь результатом недостаточно четкой терминологии как пост. от 23/VII—27 г., так и изданного во исполнение его пост. от 26/IX—27 г.

Таким образом, нельзя согласиться с утверждением т. Приградова, что п.п. 7 ст.ст. 1 и 2 пост. от 26/IX—27 г. касаются чисто регистрационных действий, а потому, как таковые, они и должны быть исключены из пост. от 26/IX—27 г., как относящегося исключительно к нотариальным действиям. Однако, не может быть никаких возражений против исключения этих пунктов из постановления, но по совершенно иным основаниям, а именно по соображениям целесообразности. Сделки купли-продажи строений не на снос являются достаточно сложными сделками. Сельсовету, с его слабым техническим аппаратом, справиться удовлетворительно с нотариальным удостоверением этих сделок вряд ли будет под силу. Регистрация же этих сделок производится по типовым бланкам договоров, помимо этого, неисполкомы могут и вообще не дать сельсоветам права производить регистрацию. По закону же сельсоветы обязаны производить, по желанию сторон, нотариальное удостоверение этих сделок, если только сумма их не превышает 300 р. Поэтому представляется настоятельно необходимым, в интересах более правильной постановки дела, изъять из ведения сельсоветов удостоверение договоров купли-продажи строений не на снос на какую бы то ни было сумму. В связи с этим необходимо исключить и п.п. 7-е из ст.ст. 1 и 2 пост. от 26/IX—27 г.

Такое изменение диктуется еще и тем, что недавно изданная инстр. НКЮ от 3/IV—28 г. за № 46 «о догово-

пой машине обнаружили заткнутую пробкой и закрашенную дыру. Баштибер подписал акт о непригодности машины, за что получил взбучку от приехавшего директора фирмы Кесслера. Кесслер пообещал поправить дело, дав Кузьме 2.500 рублей. И действительно машины были приняты комиссией, во главе которой стоял Кузьма. Две цели, по мнению Баштибера, преследовались поставкой негодных машин: получать чаще заказы на новые машины и разрушать хозяйственную мощь советов. Активную вредительскую деятельность Кесслера подтверждает подсудимый Казаринов, получивший в 1926 году от Кесслера присланные подсудимым Башкиным из Берлина 8.000 руб. для вредительской организации. Показаниями Никишина подтверждается приемка им, Гаврюшенко и Кузьмой негодных машин. О последнем—со слов Кесслера, подтвердившего свое намерение вручить Кузьме 2.500 рублей. Подсудимый Башкин, свидетельствует о роли Кесслера, как связующего звена между некоторыми группами в Германии и вредительской организацией. В виду указания ряда подсудимых на преступную деятельность германских инженеров Зеебольда и Кесслера, Специальное Присутствие Верховного Суда Союза ССР постановило привлечь того и другого к судебной ответственности в случае обнаружения их на территории СССР.

Вредительская работа на Кадневских рудниках велась подсудимым

Соколовым. В качестве главного инженера он добивается от рудоуправления переоборудования шахты «Ильич» и развития мелких рахт: таковы были вредительские директивы Матова. Проект переоборудования был составлен крайне неудовлетворительный, а само переоборудование велось хаотически. Мелкие шахты строились на сбросах, на разрушенных пластах у колонии, проходилась один пласт вместо двух—все работы велись явно вредительски и затраты были бесцельны.

В управлении новым строительством Донбасса, куда был переведен Соколов, та же картина «работы» вредителей: выполняются ненужные работы, заготавливаются бесцельные проекты, поддерживается связь с заграницей, куда посылаются различные сведения о рудниках и рабочих. Вот суть показаний Соколова. Тут же подтверждается, что вредители (Соколов и Матов) имели план действий на случай интервенции: удар по электроснабжению. Удар меткий: без электрической энергии рудники моментально останавливаются. Даются директивы—не ремонтировать электростанции, чтобы порча ее, когда нужно, казалась естественной.

Чем ближе к Харьковскому центру, тем размах вредительской деятельности становится все более грандиозным.

Задержка откачки затопленных горизонтов Калининского рудника и

доработка действующего горизонта—вот первая вредительская работа подсудимого Бояринова, выполнявшего, по его признанию, директиву вредительской организации, в которую он входил с 24 года по предложению Дворжанчика. Дальше совместная вредительская деятельность с Соколовым.

Грубое обращение с рабочими игнорирование их интересов, черты подсудимого, хорошо использованные вредительской организацией, создавшей конфликты с рабочими, благодаря этим свойствам Бояринова.

В 1917 году у Бояринова на руках письмо от Дворжанчика: директивы на случай войны—повреждать водопроводы и вентиляции. Директива подкреплена обещанием награды в 1.000 долларов. Директива о диверсионном акте. За Бояриновым есть и прямые шпионские действия. С 1924 г. он от разных лиц, в том числе от Матова, передает некоему таинственному лицу, которого условно называли Казимиром, различные сведения о запасах рудников их перспективах и другие. Сведения идут в адрес одного заграничного учреждения. Разбор этой стороны деятельности Бояринова переносится в закрытое заседание суда.

Передача подсудимому Шадлуну для отправки за границу сведений о состоянии рудников, о техническом персонале не удовлетворяет подсудимого Некрасова. Он в большей степени занимается такими «художе-

рах купли-продажи и залога строений, расположенных в сельских местностях» («Е. С. Ю.» № 13 и 14 за 28 г.), отпос, в полном согласии с пост. ВЦИК и СНК от 23/VII—27 г. и инстр. НК РКК СССР от 30/III—27 г., регистрацию сделок купли-продажи строений не на снос, независимо от суммы, к обязанности сельсоветов, в то же время передает нотариальное удостоверение этих сделок, опять вне зависимости от суммы, только викам, а не сельсоветам. Это правило основано на учете сравнительных возможностей тех и других низовых органов в области нотарботы. Издание этой инструкции еще более подчеркивает настоятельную необходимость соответствующего изменения пост. от 26/IX—27 г., без какового изменения не будут устранены недоуменные вопросы, возбуждаемые неточной редакцией п.п. 7 ст.ст. 1 и 2 этого постановления.

В связи с изложенным возникает следующий вопрос: вправе ли вики удостоверять сделки купли-продажи городских строений, при условии, если одна из сторон проживает в районе данного волисполкома. Тов. Приградов в упомянутой нами статье, исходя, очевидно, из формального смысла закона, не сомневается в праве их на эти действия. Однако, предоставление викам подобного права, по крайней мере сейчас, преждевременно и нецелесообразно, так как вики, в большинстве случаев, при слабости своего аппарата не смогут еще подойти как слодует к этой сложной и важной сделке. Если в отношении внегородских строений признано возможным предоставить викам право нотариального удостоверения сделок о переходе их только тогда, когда эти строения расположены в районе волости, то нет никакого основания отступать от этого правила в тех случаях, когда сделка касается городского строения. Стороны по этой сделке, хотя бы и проживающие в сельской местности,

по своему социальному признаку и степени материального обеспечения, не могут считаться той обычной клиентурой вигов, для которой предназначен в сущности закон от 26/IX—27 г. Для оформления сделки купли-продажи городского строения стороны могут, в интересах более правильного удостоверения, съездить без особого ущерба и в город к нотариусу.

В новом законе, так же как и в старом, не содержится никаких указаний на разграничение нотариальных функций между виками и сельсоветами, с одной стороны, и нарсудьями, с другой. Это нужно было бы сделать, так как ст. 3 положения о госнотариате в редакции от 16/I—28 г. требует основательной расшифровки, а § 3 инстр. НКЮ к закону от 26/IX—27 г. слишком схематичен, а приводимые в нем примеры частью прямо таки неправильны. Так, например, этот параграф относит к компетенции нарсудьи засвидетельствование документов, в которых участвуют лица, не имеющие постоянного пребывания в районе вика или сельсовета. На этот же пример ссылается и т. Приградов в своей статье, говоря о разграничении нотариальных функций между виками и сельсоветами. Между тем, согласно точного смысла ст. 3 Полож. о госнотариате, нарсудьям, за исключением некоторых отдаленных районов, в которых они выполняют нотариальные действия в полном объеме, не предоставлено права ни удостоверения сделок, ни засвидетельствования надписей и копий. Таким образом, они не могут выполнять эти действий и в тех случаях, когда в месте их нахождения не имеется ни вика, ни сельсовета. Эту неточность в инструкции следовало бы устранить.

Необходимо сказать несколько слов и о таксе сборов для вигов и сельсоветов. Тов. Приградов подчеркивает в своей статье ее «простоту», видя, очевидно, в этом ее большое достоинство. Однако, упрощение не может идти

ствами», как получение взяток от поставщиков, представителей организаций, подделка ведомостей и ордеров на выплату зарплаты и другие корыстные действия.

Подсудимый не входил во вредительскую организацию с момента перехода на Кадиевский рудник: он это отрицает. Вот в 1919 году он получил от б. члена дирекции из-за границы 600 рублей. Нелегальных премий он не получал, но показания других подсудимых его уличают.

В начале 25 г. в библиотеке Донугля собрались групповые директора — Матов, Мешков, Валиховский, Бахтиаров, Бояринов и другие — говорит подсудимый Детер. Должны были обсуждать перспективы каменноугольной промышленности Донбасса в связи с перепроизводством угля. Было принято решение... проводить в жизнь директивы Дворжанчика. Детер со стоял с ним в переписке. За выполнение директив шли деньги. Деньги получал Детер. Конкретная вредительская работа Дворжанчика в сохранении недр по директивам, в производстве ненужного капитального оборудования шахт, в задержке подготовительных работ, в сокращении по заданию Бояринова добычи в шахтах, в подготовке «сюрприза для старых хозяев» — оборудовании шахты № 1 бис на Селезневских рудниках с таким расчетом, чтобы к 30 году (вредители предполагали, что к этому году рудники пойдут в концессию) добыча

увеличилась на 160 млн. килограмм больше, чем до войны.

В подготовке «сюрприза» повинен не только он, Детер, но и Матов. На памяти Детера ряд встреч, об одной из которых он намерен рассказать суду в закрытом заседании.

Некоторые подсудимые уличают Детера в вредительской работе за границей в бытность его там для работы в комиссии Донугля при торгпредстве по заказу импортного оборудования.

Харьковский центр — вот где «работа» вредителей становится все отчетливее, размах ее грандиозней. И об этой работе поведал суду подсудимый Братановский, член харьковской организации. В его показании все: и состав, и структура, и задачи, и тактика вредительского центра. Вредительская работа зачалась самотеком на местах, возникла она из неприятия старыми инженерами «большевиков-захватчиков». Здесь вредительская работа захватила всех групповых директоров Донугля, его проектное бюро, заведывать которым был посажен «свой человек» Братановский. Всяческое затягивание проектов в техническом совете, составление фантастических проектов, пересоставление добросовестных проектов в нереальные с целью заставить отказаться от выполнения — так шла работа в проектное бюро. Уже знакомая закладка новых шахт на несоответствующих пластах была одной из

основных работ вредительского штаба управления нового строительства.

Руководили Харьковским центром Матов, Бахтиаров, Братановский, Сушевский, Казаринов, Мешков, Валиховский, Бояринов. При возникновении организации ее первой задачей было содействие сдаче рудников в концессию бывшим владельцам. Дается директива: действовать так, чтобы необходимость, неизбежность сдачи рудников в концессию становилась очевидной, иначе говоря, работать нависозможно плохо. Задания посылались как из рога изобилия. На случай интервенции — остановить жизнь на рудниках. Среди рабочих сеять недовольство, конечно, не против себя, а против Советской власти. Как мы уже видели, все эти директивы на местах выполнялись. Средства организация получала в виде субсидий от бывших хозяев и их организации за границей (Франция, Польша), от ряда немецких фирм. Сведения за границу посылались централизованно, и подчас не только технического характера.

Впоследствии, в конце 25 г., Харьковский центр связывается с Московским. Установил ее подсудимый Скорутто, «один» из руководителей Московского центра, куда, по словам Братановского, входили также Рабн-пович и Именитов.

На местах организация возникла в 23 г., Харьковская в конце 24 г. Цель организации в конце-концов своди-

в ущерб полноте. Между тем, в новой таксе имеются существенные пробелы, которые уже с самого начала ее применения вызвали многочисленные запросы с мест и потребовали дополнительных разъяснений со стороны НКЮ. К числу наиболее существенных пробелов таксы следует отнести: отсутствие указаний на юридических лиц, подлежащих освобождению от сборов, как, напр., на крестьянские общества взаимопомощи, инвалидные организации и т. п., неуказание, как должны взиматься сборы в тех случаях, когда одна из сторон освобождена от сборов, отсутствие указаний на размер сборов по завещаниям, установлению права застройки, за регистрацию книг и т. д. С другой стороны, в этой таксе имеется и кой-какое несоответствие с общей таксой, как, например, в вопросе об оплате доверенностей.

Тов. Приградов не коснулся, к сожалению, в своей статье вопроса о том, составляет ли выполнение перечисленных в пост. от 26/IX—27 г. нотариальных функций обязанность вигов и сельсоветов уже в силу указанного выше закона, или же объем этих функций зависит от усмотрения местных органов власти, в частности уисполкомов. Между тем, этот вопрос имеет актуальное значение, так как сейчас, в связи с расширением по новому закону нотариальных функций сельсоветов, замечается на местах тенденция к ограничению нотариальных прав сельсоветов (вернее, к лишению их этих прав) под тем предлогом, что сельсоветы не имеют квалифицированных работников и налаженного делопроизводства. Так, например, в Московской губернии, в Можайском и Каширском уездах, по постановлению уисполкомов, нотариальные функции выполняются не всеми сельсоветами, а лишь некоторыми выделенными, при чем по Каширскому уезду выделено лишь 14 сельсоветов. Нам представляется, что эта практика совершенно неправильна как

по соображениям целесообразности, так и потому, что она не соответствует указаниям постановлений от 23/VII и 26/IX—27 г., направленных на расширение прав низовых органов и на облегчение местного населения в области разрешения его хозяйственных, культурных и пр. нужд и потребностей. Нотариальные функции, право совершения которых предоставлено сельсоветам, настолько просты и несложны, что не требуют особой квалификации совершающего поддействия работника и налаженного делопроизводства. Заставлять же население для засвидетельствования доверенностей, повестки или подписи каждый раз отправляться в волысполком вряд ли целесообразно. С другой стороны, весьма вероятно (и это уже наблюдается на практике), что все эти простейшие действия как совершались, так и будут впредь совершаться всеми сельсоветами, как выделенными, так и невыделенными, с той только разницей, что последние не будут никуда их заносить и не будут взимать по ним никаких сборов. Если б можно было бы в интересах более правильной постановки дела проводить какие-либо ограничения в нотариальной работе сельсоветов, то только по линии сравнительной сложности тех или других поддействий, например, в наложении изъятия от сельсоветов нотариальных удостоверений сделок вообще, с передачей их волысполкомам. Однако, и такое разрешение вопроса не будет соответствовать точному смыслу пост. от 23/VII и 26/IX—27 г. Как мы видели выше, первый закон в ст. 106 предоставляет уикам права по ограничению сельсоветов лишь в области регистрации сделок, подлежащих таковой по правилам Зем. Код., а никак не в области их нотариальных действий, круг которых точно определен ст. 19 того же постановления. С другой стороны, и закон от 26/IX—27 г. безоговорочно «возложил» на вики и сельсоветы выполнение перечис-

лась к свержению Советской власти, а не одной лишь сдачей рудников в концессию.

В последнее время организация субсидировалась не только бывшими хозяевами, но и другими заграничными источниками, представляя собой таким образом «орган иностранной буржуазии». Харьковский центр был связан с Парижским центром—порождением общества бывших горнопромышленников Донбасса. Связь с ними поддерживал Юсевич, с проживавшими в Польше бывшими промышленниками—Сущевский и Кржижановский, с немецкими фирмами—Детер и Плоткин.

Такую убийственную характеристику вредительской работы рисует суду подсудимый Братановский.

Продовольственный диктатор Донбасса при белых подсудимый Будный—главный почтмейстер Дворжанчика. Это через него вредители получили до 40 писем от Дворжанчика. Будный служил «верой и правдой», получая за свои почтовые услуги деньги. Содержанием писем он вот никогда не интересовался. Матов уличает его в этом: Будный прекрасно знал суть содержания писем, он присутствовал на собраниях членов организации при обсуждении плана работ по вредительству.

Отрицание участия во вредительстве, получения денег, упоминание случайной де связи с секретарем съезда б. горнопромышленников Донбасса в Париже Соколовым—таковы показан-

ия Мешкова. Его в этом уличают Сущевский, Матов, Братановский.

Шадлун—член вредительской организации, он этого не отрицает, но участие его в ней не отличалось активностью. Правда, деньги от старого директора Ремо он получал. Получил и письмо с рекомендацией не отказывать затопленной шахты № 14, что и было осуществлено совместно с Некрасовым. Посылал он ему же и сведения о рудниках. Переписка продолжалась, особенно в части характеристики тех рудников, которые, предполагалось выдать, будут сданы в концессию. Деньги от организации Шадлун получал.

Глзенецкий, как и другие, поддерживал связь с Дворжанчиком, посылал ему сведения, входил во вредительскую организацию, хотя, по его словам, не был активен, не подозревал истинных целей организации, считает свою деятельность нечестной, подлой.

Отрицает свое участие в организации, во вредительской работе подсудимый Файерман, заявлявший на предварительном следствии, что он был втянут в организацию Матовым. Сейчас он склонен считать, что он только чувствовал что-то неладное в окружающей его обстановке, не зная в чем дело.

Матов утверждает, что Файерман относился сочувственно к идеям организации.

Отрицание связи с организацией и каких-либо вредительских действий

—таково содержание показаний подсудимого Владимирского. Сущевский на суде отказывается от данных им на предварительном следствии показаний не в пользу Владимирского, но Братановский уверяет, что фамилия Владимирского была в списке членов организации, получавших от нее деньги.

Выясняется, что подсудимый в противовес вредительским директивам отрицательно относился к постоянным изменениям структуры Донугля и выступал по этому вопросу в печати.

В Гахмуте, на квартире Потемкина и Бояршинова, за чашкой чая нередко ругали Советскую власть. Были разговоры и о необходимости оказывать противодействие ее хозяйственной политике, поддерживать связь со старыми хозяевами. Потемкин не отказывается от этого, как признает и то, что на Горловских рудниках были неполадки: слабо налегали на добычу, допустили затопление шахты.

Антисоветские настроения среди группы инженеров были известны подсудимому Штельбрингу, как и само существование вредительской организации, и если он не сообщал об этом кому следует, то он признает здесь свою вину—так изображает свою роль в деле подсудимый. Теперь он себе представляет, что были попытки вовлечь его в организацию, но попытки безуспешные.

(Окончание следует).

С. Зайцев.

ленных в нем нотариальных действий, не предоставив в то же время исполнителям каких-либо полномочий по сужению круга этих действий. Таким образом, можно считать, что выполнение нотариальных функций, указанных в пост. от 26/IX—27 г., составляет обязанность сельсоветов, от выполнения каковой сельсоветы не могут ни отказаться сами, ни быть освобождены вышестоящими местными органами власти.

Вот те немногие замечания, которыми мы считали бы необходимым дополнить статью тов. Приградова о новом законе о нотариальных действиях виков и сельсоветов.

В. Лучанинов.

Залоговое право в условиях планового хозяйства.

В нашей литературе часто предсказывают близкое умирание залогового права в связи с усилением плановых начал в хозяйственной политике. По мере того, как производство и распределение товаров становится предметом планового регулирования в интересах народного хозяйства в целом, уменьшается роль залога, обеспечивающего индивидуальные интересы отдельных хозяйствующих субъектов. Переброска и реализация товаров диктуется определенными плановыми предначертаниями, которые могут и не совпадать с интересами и правомочиями отдельных залогодержателей. В частности, принудительная продажа, посредством которой осуществляется право кредитора на ценность заложенной вещи, связана жесткими рамками планового хозяйства: хотя бы заемщик и оказался неисправен, у кредитора не будет возможности, напр., выбросить на Московский рынок принятую им в залог партию промтоваров, если она предназначена для отправки в хлебозаготовительные районы. Таких примеров можно привести много. «Залоги и прочие вещные (имущественные) обеспечения годятся для «частного» оборота, а не для советского», говорит И. С. Вольман в статье о целевых кредитах¹⁾ и в этих словах выражает точку зрения многих юристов и экономистов.

Не соглашаясь с этой точкой зрения, можно было бы, во всяком случае, ограничить сферу ее применения ссылкой на те области народного хозяйства, в которых залоговое обеспечение занимает весьма существенное место, несмотря на общее усиление плановых начал в экономической политике.

Но в этой плоскости мы вопроса ставить не будем.

Нас интересует залоговое право, возникающее не вопреки идее планового руководства народным хозяйством, а в результате такового и служащее орудием при проведении хозяйственного плана в жизнь.

В дальнейшем мы попытаемся показать правильность и реальность этой постановки вопроса.

Для примера возьмем ту отрасль народного хозяйства, в которой проведение планового начала имеет особо важное значение, — финансирование кредитными учреждениями сырьевых заготовок и экспорта. Балковская операция, известная под этим наименованием, складывается из ряда последовательных действий и имеет своим исходным моментом заготовку сырья в определенном соответствии с плановыми предначертаниями.

Следующей стадией является: приведение товара в ликвидное состояние¹⁾, затем доставка на заграничные рынки сбыта и, наконец, продажа против эквивалента в иностранной валюте. Перед банком, финансирующим экспорт, выступает обычно мощная организация, скупающая товар через свои заготовительные пункты или через низовую кооперативную сеть. Первоначально заемщику открывается так наз. бланковый кредит, то-есть кредит, ничем не обеспеченный, кроме соло-векселя и по существу представляющий собою аванс, который заемщик обязан расходовать только по определенному назначению — на заготовку обусловленного в договоре экспортного сырья. Размер аванса по отношению к общей сумме кредита определяется договором в зависимости от особенностей товара и условий его заготовки.

Дальнейшие выдачи производятся в счет открытого кредита под залог заготовленных товаров; товарами же покрывается и ранее выданный аванс. В большинстве случаев заложенное имущество оставляется на ответственном хранении заемщика под сохраняющую расписку, приводится в ликвидное состояние и отгружается по железной дороге, при чем залог товара заменяется залогом жел.-дорожных дубликатов. При наличии готовых к отгрузке товаров заемщику иногда открываются аккредитивы, одним из элементов которых является залог транспортных документов. Если товар направляется за границу морским путем, то жел.-дорожные дубликаты заменяются складочными свидетельствами портовых складов или элеваторов, которые, в свою очередь, заменяются коноссаменами, посылаемыми финансирующим банком своему заграничному корреспонденту на инкассо. По прибытии на место назначения товар реализуется либо непосредственно с судна, либо хранится на складе в распоряжении заграничного банка-корреспондента, выпускающего товар против уплаты покупной суммы. Вырученная иностранная валюта сосредоточивается в Государственном Банке и служит для обеспечения эмиссии банковых билетов или обращается на закупку импортных товаров. Такова простейшая схема экспортной операции, которая на деле принимает гораздо более сложные формы, в связи с специфическими условиями внешней и, в частности, заморской торговли.

Обычно все денежные выдачи производятся по специальному текущему счету; в обязательстве, выдаваемом заемщиком Банку, предусматривается предельная сумма, до которой может возрастать задолженность экспортера, и предельный срок, до истечения которого должны быть закончены все расчеты по кредиту.

В практике некоторых кредитных учреждений по каждому виду обеспечения открывается особый кредит: 1) под соло-векселя (целевой) и 2) по специальному текущему счету под товары и товарные документы; при этом суммами, причитающимися к выдаче под товары, погашается задолженность по целевому кредиту (т.-е. по авансу для начала заготовительных операций). При внешнем различии здесь повторяется описанная выше операция, проводимая взамен единого специального текущего счета по нескольким счетам.

Следующие практические задачи возникают при осуществлении этой операции: 1) каким образом определить степень исполнения заемщиком заготовительного плана; 2) каким образом стимулировать обращение позайствованных в Банке сумм на цели, соответствующие плану; 3) каким образом обеспечить поступление Банку вырученной от реализации экспортного товара валюты.

¹⁾ И. С. Вольман «Целевые кредиты в системе советских банковских операций». Кредит и хозяйство № 6, 1927 г.

¹⁾ Т. е. в состоянии, годное для реализации на внешнем рынке.

Ответы на каждый из этих вопросов приводят нас к одному и тому же источнику.

Экспортирующие организации, пользующиеся монопольным правом выхода на внешний рынок, в сущности, являются монополистами и на внутреннем рынке: в большинстве случаев им не у кого приобрести товар, служащий предметом экспорта, кроме как у производителей, т.е. они должны заготовить его. Банк финансирует заготовку определенного количества товара, составляющего известный процент от общего заготовительного плана. Поэтому реестр представляемого Банку обеспечения есть в то же время сводка заготовленного товара; другими словами: возникновение залогового права на товар свидетельствует о выполнении заготовительного плана, при чем степень выполнения определяется соотношением между количеством заложенного товара и количеством товара, предпологавшегося к заготовке по плану.

От свойства залога, как показателя выполнения плана, переходим к роли его, как фактора, стимулирующего выполнение.

Выдача целевого аванса является исходным моментом операции и может оправдать себя лишь в том случае, если в дальнейшем удастся побудить заемщика к израсходованию аванса в точном соответствии с намеренной в договоре целью: это достигается путем выдачи дальнейших позаймствований против наличного товара или транспортных документов на отгруженный товар. Для получения денег экспортер должен представить Банку товар, который он может предварительно заготовить, лишь обратив на это ранее полученный аванс: таким образом, возникновение залогового права стимулирует расходование средств согласно обусловленной цели, являющейся, в свою очередь, проводником планового начала на данном участке народного хозяйства.

Наконец, упомянутый выше способ прекращения залогового права, путем передачи заложенного товара заграничным корреспондентом покупателю против соответствующего платежа гарантирует поступление иностранной валюты непосредственно кредитующему Банку и сосредоточение ее в Госбанке.

Роль залогового права, как автоматического регулятора кредитной деятельности, может встретить и совершенно иную оценку. Нам может быть поставлен вопрос: к чему в исполнении плана убеждаться такими окольными путями, как изучение операционных документов по залому товара? Ведь реестр заложенных товаров в этом отношении с успехом может быть заменен простой отчетной ведомостью о ходе заготовок.

Далее, простое приказание, определяющее интенсивность заготовок и порядок расходований средств, может заменить стимулирование заготовительной деятельности путем сложных кредитных операций.

Весьма просто можно позаботиться и о валютном фонде, сделав распоряжение о взносе куда следует вырученной от реализации экспортного товара иностранной валюты.

Этот путь, однако, находится в явном противоречии с принципами организации советского народного хозяйства: во главу угла хозяйственной деятельности ста-

вится выполнение плановых заданий, но осуществляется она госпредприятиями, фигурирующими в обороте, как обособленные юридические лица, имеющие единого хозяина и общие задачи экономического строительства. Методом же осуществления этих общих задач является самостоятельность госпредприятий в отведенной им сфере, в основе которой лежит хозяйственный расчет, находящий защиту в правовых нормах и свойственный данному предприятию в отличие от других имеющих свои «интересы» госпредприятий. При обширности и разнообразии задач, стоящих перед народным хозяйством, деятельность госпредприятий переплетается между собою и иногда приводит к конфликтам и противоречиям, из которых в конце концов рождается правильная, ведущая к общей цели, линия. Только под таким углом зрения понятны нормы советского хозяйственного права, мероприятия, направленные на поддержание твердости оборота, на укрепление дисциплины в области бюджета, кредитных и вексельных отношений и, наконец, самый факт судебного разрешения споров между государственными учреждениями и предприятиями.

В целях рационального и планового построения народного хозяйства перекраивается экономика Союза и перераспределяются материальные блага между отдельными госпредприятиями.

На этом трудном пути нельзя пренебрегать ни одним благоприятствующим моментом, нельзя отказываться и от использования хозяйственного интереса и правовых явлений, в которых он находит свое оформление и защиту: хозяйственный расчет, совпадающий с исполнением плановых предначертаний, является могущественным оружием по проведению этих предначертаний в жизнь.

Яркий пример мы видим в финансировании экспортных операций: экспортирующая организация «заинтересована» в получении кредита; банк «заинтересован» в твердом обеспечении открываемого им кредита и в получении иностранной валюты. Государство в целом нуждается в выполнении экспортного плана. Но административное воздействие не может быть единственным средством, регулирующим и увязывающим эти тенденции, и с первых же шагов практической деятельности возникает необходимость воздействовать на оборот средствами самого же оборота. Система залоговых сделок, составляющая операцию финансирования, практически ставит и разрешает эту задачу, удовлетворяя интересам участников оборота и в то же время являясь показателем и стимулом плановой хозяйственной деятельности. Таким содержанием банковских операций и определяется в значительной степени место и удельный вес кредитных учреждений в системе планового хозяйства.

Описанная выше роль залога оказывает существенное влияние на постановку и разрешение многих правовых вопросов.

Особенно сильно это влияние сказывается в области целевых кредитов, занимающих одно из важнейших мест в нашей банковской практике.

Особенностью целевого кредита является обязательство заемщика израсходовать полученные займы суммы для достижения определенной цели. Если заемщик иначе распорядился деньгами, нежели обусловлено договором, то кредитор имеет право немедленно потребовать уплаты долга. Поэтому нарушение целевого назначения в пользовании деньгами рассматривается как отрицательное

условие, наступление которого отменяет соглашение о сроке и дает кредитору право досрочного истребования задолженности¹⁾.

Это определение неприменимо к операциям финансирования сырьевых заготовок хотя бы потому, что она проводится по спец. текущему счету до востребования (снколь); в условиях же спец. тек. счета отсутствует срок и предусмотрено право банка в любой момент закрыть счет и потребовать погашения задолженности, не приводя никакой мотивировки и лишь предупредив должника за несколько дней. Несмотря на это, целевой характер операции, а равно и прямая заинтересованность Банка в достижении поставленной цели не вызывают никаких сомнений. Но цель отражается не в тех элементарных сделках займа и залога, из которых складывается операция: каждая из них, взятая в отдельности, ничем не отличается от всякой другой сделки, предусмотренной Гр. Кодексом, и специфического целевого характера не носит. Цель проявляется во взаимоотношении между сделками, самая последовательность которых (ссуда под соло-вексель, ссуда под залог товара на складе, залог ж.-д. дубликата, товарный аккредитив и т. д.) предопределяет израсходование денег на известное назначение.

Связь залогового права с целевыми кредитами налаживает отпечаток и на классические нормы, воспринятые статьями 85—105 ГК.

Не вдаваясь в обсуждение возникающих при этом вопросов правовой политики, остановимся лишь на некоторых моментах из области возникновения и прекращения залогового права. При финансировании сырьевых заготовок иногда создается весьма сложное положение, в связи с расчленением заемщика, фактического держателя и собственника предмета залога; напр., кредитуются в банке кооперативный центр, ведущий заготовки через губсоюзы, в свою очередь пользующиеся низовой кооперативной сетью.

Буквальное исполнение ст.ст. 66, 86, 92 и 93 Гр. Код. выдвигает на практике весьма трудные задачи при определении самих субъектов сделки. Пытаясь разрешить эти задачи, мы стоим перед двумя тенденциями, направленными: а) к возможному облегчению усло-

вий, требуемых для возникновения права собственности и залогового права, и б) к сохранению за последним твердого реального характера. Равнодействующая этих тенденций еще не найдена и может быть найдена лишь при учете описанных выше конкретных отношений.

Далее, остановимся на прекращении залогового права посредством реализации предмета залога. Здесь и по сей день господствует «экзекуция», т. е. единовременная принудительная продажа заложенного имущества с публичных торгов или через биржевого маклера. Между тем, всем известно, как мало удовлетворителен этот порядок, в особенности в первой его части (продажа с торгов). «Пустить товар с молотка» и продать его за бесценок—давно стало синонимами. Страдает при этом и должник, и кредитор, а о соблюдении директив торговой политики говорить, разумеется, весьма трудно. В этом вопросе необходима коренная реформа, до некоторой степени напоминающая ту, которую регламентация консигнационного договора произвела в отношениях по договору комиссии (примеч. 2 к ст. 275-д ГК).

Взамен обязанности единовременной продажи товара консигнатор имеет право торговать товаром со склада, продавая его отдельными партиями по своему усмотрению.

Залогодержателю должно быть предоставлено право реализовать заложенное имущество в месте, способом и партиями по своему усмотрению, с жесткой ответственностью перед залогодателем за возможные убытки вследствие ненадлежащей реализации товара.

Во всяком случае, это право должно быть предоставлено кредитным учреждениям, платежеспособность которых является твердой гарантией возмещения залогодателю его возможных убытков. Разумеется, предложенная нами формула обеспечит возможность полного согласования принудительной продажи заложенного имущества с торгов с требованиями торговой политики.

А. Шварцман.

Страница практика.

Разбор дел при неявке сторон (Статьи 98 и 100 ГПК).

25 июля 1927 г. ВЦИК и СНК была утверждена новая редакция статей 98 и 100 ГПК. Согласно новой редакции 98 ст., неявка одной стороны, относительно которой суду известно, что повестка ей была вручена, не является препятствием к разбору и решению дела. Неявка же обеих сторон, если от них не поступило заявления о слушании дела в их отсутствие, влечет обязательное отложение дела судом. И наконец, если опять без всяких уважительных причин стороны не являются и по вторичному вызову, суд вовсе прекращает дело производством. При чем в этом последнем случае истец не лишается права в течение установленного срока исковой давности вновь предъявить иск в общем порядке.

По прежней же редакции ст.ст. 98 и 100, неявка обеих сторон не являлась препятствием к разбору дела, при условии, если суду было известно, что повестки были им вручены. Если же суд находил необходимым вызвать стороны и они не являлись по вторичному вызову, суд разрешал дело на основании имеющихся данных.

Прошло менее года с тех пор, как стала применяться на практике новая редакция ст.ст. 98 и 100 ГПК, но уже поднимаются голоса, критикующие ее и требующие вне-

сения новых изменений в эти статьи. Некоторые высказываются даже за восстановление старой редакции.

И. Маркусон (г. Ленинград) полагает, что новая редакция не привела к упрощению гражданского процесса. Мотивом к такому изменению—пишет он—послужило то соображение, что неявка обеих сторон в заседание часто вызывалась примерением сторон, которые не считали нужным доводить до сведения суда о состоявшемся применении. В действительности же, неявка гражданских дел бесспорные (расширение сферы применения судебных приказов, проведенное в том же постановлении ВЦИК и СНК от 25 июля 1927 г., не избавляет суд от множества бесспорных исков). Ответчики по таким делам обычно не являются из-за бесцельности явки, а также и потому, что являясь в суд и признанием иска они ухудшают свое положение (немедленное исполнение по п. «в» ст. 187 ГПК).

Далее И. Маркусон указывает на неудачную, по его мнению, формулировку ст. 100. Как понимать слова «от них»? Требуется ли заявление от одного истца или же и от ответчика? Во втором случае создается весьма тяжелое положение для истца, так как ответчик, обычно, отнюдь не заинтересован в скорейшем разрешении возбужденного против него иска и подобного заявления подавать не станет.

Далее,—пишет Маркусон—суд не вправе решить дело заочно, хотя бы в основании иска лежал протестованный вексель или иной совершенно бесспорный документ, если истец почему-либо упустил указать в исковом заявлении, что просит заслушать дело в его отсутствие.

¹⁾ М. М. Агарков «Природа целевой ссуды». Кредит и хозяйство № 8—9, 1927 г.

Полагая, что новая редакция ст.ст. 98 и 100 ГПК не привела к положительным результатам, И. Маркусон считает целесообразным восстановить ст. 98 в первоначальной редакции, ст. же 100 отредактировать следующим образом:

«В случае неявки обеих сторон по вторичному вызову с указанием на необходимость выяснения, дело прекращается производством. В случае неявки по вторичному вызову одной из сторон дело по просьбе явившейся стороны разрешается на основании имеющихся данных».

Против новой редакции ст.ст. 98 и 100 ГПК выступает и народный судья 2-го района Весьегонского уезда Тверской губ. Н. Гришин.

Опыт показал, — пишет он, — что эта реформа не привела к быстрому прохождению дел в суде, а наоборот, явилась причиной некоторой медленности прохождения дел. Вызывается же это тем обстоятельством, что суд в тех случаях, когда есть возможность дело заслушать в отсутствие сторон на основании тех достаточных письменных данных, которые имеются у него (акта о поправах, долговые расписки и т. д.), должен тем не менее дело откладывать. Отсюда лишние расходы, трата времени (суда, свидетелей и т. п.). В итоге Н. Гришин рекомендует следующую редакцию ст. 100 ГПК:

«В случае, если стороны в судебное заседание не явились по первому вызову без уважительной причины, то дело производством прекращается, а истцу предоставляется право, не пропуская общей 3-годичной исковой давности, на общих основаниях предъявить новый иск».

Тем более, — заканчивает Н. Гришин, — что по уголовному процессу дела частного обвинения, предусмотренные в ст. 10 ГПК, за неявкой потерпевшего, по первому вызову производством прекращаются без вторичного вызова.

Нарсудья 3 уч. Почепского уезда Брянской губ. Тонких развивает точку зрения, очень близкую взгляду Н. Гришина. Он точно также считает, что новая редакция ст.ст. 98 и 100 никакого упрощения гражданского процесса не принесла. По его мнению, лучше было бы ст. 98 ГПК оставить без изменений, а ст. 100 ГПК изменить таким образом, чтобы суд, в случае неявки обеих сторон (если ему известно о вручении повесток), в первом же заседании имел бы право дело производством прекратить.

Б. Лебедев (член коллегии защитников, с. Щучье, Уманского у., Воронежской губ.) также находит целесообразным предоставить суду право в зависимости от обстоятельств прекращать дело в случае неявки сторон при первом же вызове, предоставив истцу право ходатайствовать о возобновлении дела. Но, по его мнению, из числа гражданских дел, подлежащих прекращению, следует исключить дела особой важности (об алиментах, об отцовстве, зарплате и т. п.). Подобный порядок будет способствовать сокращению в производстве суда текущих мелких гражданских дел, а с другой стороны, дисциплинирующе воздействует на истцов.

Нарсудья 10 уч. Беднод. у. Пензенской губ. Н. Поликарпов исходит из того положения, что новая редакция ст. 100 ГПК не есть новшество принципиального

характера, а есть мера, введенная исключительно с целью разгрузить суд от залежа мертвых дел.

Поэтому-то он считает, что в случае неявки сторон без уважительных причин и неподачи ими заявления о слушании дела в их отсутствие, дело может быть разобрано по существу, если в нем достаточно данных для правильного суждения о взаимоотношениях сторон. Предложенная им редакция ст. 100 гласит:

«При неявке истца и ответчика без уважительных причин, если в деле нет достаточных данных о правильном суждении сторон и если от них не последовало заявлений о слушании дела в их отсутствие, дело откладывается производством».

В случае неявки сторон без уважительных причин по вторичному вызову суд выносит определение о прекращении дела».

Нарсудья Жигаленок присоединяется к числу критиков новеллы ГПК, которая, по его мнению, никакого облегчения не принесла. Он считает, что ст.ст. 98 и 100 ГПК должны быть приведены в соответствие со ст. 270 УПК. Предложенная им редакция такова:

«98. В случае неявки ответчика, если ему повестка вручена и не имеется сведений о причине неявки, — дело подлежит рассмотрению по существу, если исковая сторона не возражает против этого».

«100. В случае неявки истца, если ему повестка вручена и нет согласия его на рассмотрение дела в отсутствие его или заявления о причине неявки, — дело подлежит прекращению».

Однако, ответчик может настаивать на рассмотрении дела по существу, последнее для суда обязательно.

В случае прекращения дела истец может предъявить иск на общих основаниях в пределах исковой давности».

П. Дроздов, секретарь 1 уч. г. Покровска на Волге, указывает также на нецелесообразность откладывать дела, в которых в основание иска положены долговые обязательства и векселя и т. п. бесспорные документы. Такие дела — пишет П. Дроздов — возбуждаются преимущественно кредитными учреждениями и кооперативными организациями и по ним, как правило, стороны в суд не являются. Дело производством прекращается, а истец через некоторое время вновь возобновляет дело. Это неудобство будет устранено, по мнению тов. Дроздова, только примечанием, в силу которого нарсуд, если признает возможным разрешить дело на основании имеющихся в деле данных, получил бы право рассмотреть дело в отсутствие сторон как после первой, так и после второй их неявки.

Переходя к выводам, следует указать, что все авторы цитированных статей единогласно высказывают то мнение, что новая редакция ст.ст. 98 и 100 ГПК не принесла упрощения процесса.

Все высказанные пожелания можно свести к краткой формуле:

I. Суд должен получить право разобрать дело в отсутствие обеих сторон при наличии в деле достаточных данных, даже если нет об этом просьбы одной из сторон.

II. Суд должен получить право прекратить дело и при первой неявке сторон.

М.

Советское законодательство.

(Обзор за время с 15 по 21 июня 1928 г.).

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Финансы и бюджет.

1. Пост. ЦИК и СНК СССР от 9 мая утверждено в новой редакции положение о налоговых комиссиях («С. З.» № 29, ст.ст. 261—262). Учреждены объединенные налоговые комиссии участковые, особые, уездные, губернские и окружные для разрешения всех дел по промысловому и подоходному налогам, по налогу с обращения ценностей и на сверхприбыль и по гербовому сбору. В исключительных случаях могут быть образованы районные комиссии. В крупных городах образуются также городские комиссии. Для образования районной комиссии необходимы обширность территории района и наличие в нем нескольких участковых комиссий. Участковые комиссии разрешают вопросы по определению окладов налогов со всех

предприятий и лиц, налагают штрафы за нарушение правил по промысловому и подоходному налогам, вырабатывают проекты норм для определения дохода и рассматривают возражения рабочих, служащих и государственных пенсионеров по поводу исчисления с них окладов подоходного налога нанимателями и учреждениями, если эти возражения отклонены инспектором по прямым налогам. Особые налоговые комиссии определяют оклады уравнительного сбора и налога с обращения ценностей с предприятий, облагаемых в централизованном порядке, подоходного налога с госпредприятий, кооперативных союзов и акционерных обществ с участием государственного и кооперативного капитала в размере не меньше 50%, подоходного налога и налога на сверхприбыль с юридических лиц. Кроме того, особым налоговым комиссиям предоставлено право наложения штрафов в случаях допущения тем же лицами и предприятиями налоговых нарушений. Уездные комиссии рассматривают жалобы плательщиков и протесты председателей и учреждений на постановления участковых комиссий. К их же ведению отнесено рассмотрение жалоб на постановления уездных финансовых отделов, в случаях, определенных особым законодательством. Губернские и окружные ко-

миссии рассматривают жалобы и протесты на постановления особых налоговых комиссий, а также жалобы плательщиков на постановления финотделов по гербовому сбору и утверждают проекты норм для определения доходов. Налоговые комиссии пересматривают объявленные плательщикам постановления в случае обнаружения в них крупных арифметических ошибок, либо открытия новых обстоятельств, могущих повлечь за собою значительное повышение или понижение окладов налога. Постановления комиссий являются окончательными и могут быть отменяемы только в случае нарушения или неправильного применения законов или инструкций. Право отмены предоставлено губернским и окружным финотделам в отношении уездных, районных и городских комиссий, и наркоматам финансов в отношении губернских и окружных комиссий. Окончательными инстанциями для обжалования постановлений налоговых комиссий являются наркоматы финансов союзных республик, а по делам об обложении госпредприятий общесоюзного значения, всесоюзных кооперативных организаций и смешанных акционерных обществ, зарегистрированных в Наркомторге СССР—Наркомфин СССР. Для принесения жалоб плательщикам установлен месячный срок, для принесения протестов—семидневный. Подача жалобы или протеста не приостанавливает взыскание налога. Взыскание приостанавливается финансовыми органами, при которых учреждена налоговая комиссия, рассматривающая жалобу. В отношении гербового сбора подача жалобы государственными предприятиями, акционерными обществами с преобладанием госкапитала и кооперативными организациями приостанавливает взыскание штрафа. Одновременно с утверждением положений внесены изменения в законодательство о промысловом налоге, о подоходном налоге, о налоге на сверхприбыль, о государственном гербовом сборе и о взимании ренты с городских земель.

2. Пост. ЦИК и СНК СССР от 9 мая о дополнении прим. ст. 38 положения о взимании налогов («С. З.» № 29, ст. 263). Право предоставления отсрочек и рассрочек платежей по местным налогам может быть передано нижестоящим исполкомам исполкомами вышестоящими (см. «С. З.» 1927 г. № 6, ст. 58).

3. Пост. ЦИК и СНК СССР от 30 мая о дополнении п. 3 ст. 13 положения о бюджетных правах СССР и союзных республик («Изв.» от 17 июня, № 139). В расходный бюджет СССР включаются расходы по финансированию строительства новых железных дорог, а также производимых для этой цели изысканий и исследований («С. З.» 1927 г. № 27, ст. 286).

4. Пост. СНК СССР от 22 мая об изменении пост. о ставках портовых сборов («Изв.» от 16 июня, № 138) внесено изменение в пост. СНК СССР от 5 мая 1927 г. («С. З.» 1928 г. № 10, ст. 91).

5. Пост. ЦИК и СНК СССР от 9 мая об установлении ставки акциза на сахар в учетных единицах метрического измерения («С. З.» № 28, ст. 252). С 1 октября ставка акциза на свекловичный кристаллический сахар устанавливается в размере 24 руб. 40 коп. со 100 килограмм.

Кооперация.

6. Пост. ЦИК и СНК СССР от 23 мая о порядке образования, хранения и расходования запасных капиталов кооперации («Изв.» от 21 июня, № 142). Для покрытия убытков по балансу за истекший операционный год кооперативные организации всех видов и степеней обязаны иметь запасный капитал. Последний образуется по постановлению общего собрания членов организации путем ежегодных отчислений не менее 10% чистой прибыли. В сельско-хозяйственной кредитной и промысловой кредитной кооперации размер отчислений не может быть ниже 20%. По достижении запасным капиталом размера 20% (а для кредитно-кооперативных организаций—50%) всех собственных капиталов кооперативной организации обязательные отчисления из прибылей могут быть прекращены. В трехмесячный срок после постановления об отчислениях кооперативные организации обязаны передавать соответственные суммы в качестве специальных вкладов в отдельные фонды при кооперативных и сельско-хозяйственных банках. Кооперативные банки образуют из отчислений отдельные фонды по каждому виду кооперации. 40% фонда каждого вида кооперации помещается в государственные или гарантированные правительством процентные бумаги. Список процентных бумаг определяется постановлением правительства от 18 мая 1927 года («С. З.» 1927 г. № 52, ст. 519). Остальные 60% обращаются кредитными учреждениями на нужды кредитования соответствующих видов кооперации. Порядок хранения и использования этих сумм устанавливается кредитными учреждениями. Если оказывается необходимость в израсходовании

запасного капитала кооперативной организации на покрытие убытков, соответствующая сумма отчислений возвращается банком этой организации из средств фонда. В случае невнесения той части отчислений в запасный капитал, которая помещается в процентные бумаги в течение трех месяцев со дня распределения прибылей или в течение дополнительного предоставленного срока, невнесенные суммы взыскиваются финорганами в бесспорном порядке. Руководители кооперативных организаций, не внесшие указанной суммы, несут ответственность в дисциплинарном порядке. Для помещения банками подлежащих частей фондов в процентные бумаги установлен недельный срок.

Пост. ЦИК и СССР от 30 мая об изменении положения о кооперативном кредите от 18 января 1927 г. («Изв.» от 20 июня, № 141). Справки о вкладах могут выдаваться не только самим клиентом, но и их законным представителем. Судебным же и судебно-след. органам справки выдаются лишь по уголовным делам. По этим же делам только могут быть обращены взыскания и наложен арест на вклады. Исключение допущено также для товариществ, обращающих взыскание на помещенные у них вклады.

7. Издание пост. ЦИК и СНК СССР от 30 мая об упразднении кооперативных советов («Изв.» от 19 июня, № 140) мотивировано хозяйственным и организационным укреплением отдельных кооперативных систем и усилением роли союзов кооперации по руководству своей периферией.

Торговля.

8. Пост. СТО от 15 июня об упорядочении рынка строительных материалов («Изв.» от 19 июня, № 1440) даны задания Госплану, Наркомторгу и ВСНХ.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Судоустройство.

1. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 28 мая об отмене положения о дисциплинарных судах («Изв.» от 15 июня, № 137) издано в связи с ликвидацией дисциплинарных судов на основании постановлений последнего съезда партии. Дела, находящиеся на рассмотрении дисциплинарных судов и незаконченные рассмотрением, передаются в соответствующие судебные учреждения.

Государственное управление.

2. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 7 мая об изменении ст.ст. 12 и 22 положения об издании волостными и районными исполкомами, горсоветами заштатных городов и сельсоветами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке («Изв.» от 15 июня, № 137). Срок для представления обязательных постановлений ВИК'ами и РИК'ами вышестоящему исполком. прокурору и адм.делу сокращен до двух дней. Протесты приносятся прокурорам непосредственно ВИК'ам и РИК'ам, а не через вышестоящий исполком. Пределы, в которых ВИК'и и РИК'и могут налагать административное взыскание по обязательным постановлениям вышестоящих исполкомов, расширены: по постановлениям краевых, областных, губернских и окружных исполкомов—до 10 руб. штрафа и двух недель принудработ, а по постановлениям уисполкомов—до 5 руб. штрафа и 1 недели принудработ (см. «С. У.» 1927 г. № 120, ст. 812).

Гражданско-Процессуальный Кодекс.

3. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 21 мая об изменении главы 27 ГПК РСФСР («Изв.» от 16 июня, № 138). Главе дано новое наименование: «Жалобы на действия нотариусов и исполняющих нотариальные действия органов». Жалоба на выполнение нотариусом либо нарусудей какого-либо действия или на отказ от выполнения нотариального действия приносится участвующими в деле лицами и рассматривается гражданским кассационным отделением губсуда или окрсуда с вызовом заинтересованных лиц, при чем могут быть проверены доказательства и затребовано заключение губернской или окружной нотариальной конторы. Жалобы на ВИК'и и сельсоветы приносятся народному суду и рассматриваются им единолично, при чем также может быть истребовано заключение уездной нотариальной конторы. Срок для обжалования установлен двухнедельный с момента, когда стало известно действие нотариального или заменяющего его органа. Жалобы подаются через орган, действия которого обжалованы и представляются им по назначению в трехднев-

ный срок с объяснением. Определения суда и народного судьи не подлежат обжалованию. Отказы в учинении исполнительской надписи могут быть обжалованы кредитором, который вызывается к рассмотрению жалобы. Должник может оспаривать требование, основанное на исполнительской надписи, лишь в исковом порядке. Суд в порядке обеспечения иска может приостановить взыскание. Не может быть обжаловано принятие к производству обеспечения доказательств, по отказу в этом принятии может быть обжалован на судье по месту производства.

Исправительно-Трудовой Кодекс.

4. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 21 мая об изменении главы IV Отдела I Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР («Изв.» от 17 июня, № 139). Принудительные работы без содержания под стражей применяются в трех видах: 1) на срок не свыше 6 месяцев исполняются по месту жительства; 2) на срок свыше 6 месяцев—отбываются как по месту жительства, так и вне его в хозрасчетных предприятиях, находящихся в губернских, окружных, уездных и районных центрах; 3) лицами, работающими по найму, отбываются принудительные работы по месту работы или службы и оплачиваются не свыше государственного минимума заработной платы, установленного для данной местности. В отдельных случаях по специальным определениям суда последняя категория лиц может быть направляема и на работы не по месту службы. При адм.отделах организуются бюро принудительных работ на правах отдельной части, а в других населенных пунктах учреждаются их отделения при местах заключения. В тех местностях, где мест заключения не имеется, осуществление принудительных работ возлагается на президиумы горсоветов и на сельские советы. Расходы по содержанию бюро и их отделений и по осуществлению принудительных работ производятся за счет отчислений от заработной платы лиц, отбывающих принудительные работы без содержания под стражей, а также из процентных отчислений от оборота хозрасчетных предприятий и мастерских, организуемых для использования труда лиц, отбывающих принудительные работы. Для выполнения принудительных работ лицами, отбывающими их в месте своего жительства, либо не дальше 10 килом. от него, они направляются на работы общепользовного значения (ремонт мостов, больниц, школ и т. д.). Срок для явки лиц, отбывающих принудительные работы, в соответствующий орган для принятия на учет установлен двухнедельный со дня вступления судебного приговора в законную силу, либо со дня вручения копии постановления административного органа о наложении административного взыскания. В случае неявки на учет они подвергаются взысканиям: переводу на более тяжелые работы, неачету в срок пропущенного времени и аресту в дисциплинарном порядке на срок до 14 дней, причем может быть возбуждено ходатайство перед судом о замене меры социальной защиты. Те же взыскания могут налагаться и за неявку на регистрацию, за несоблюдение установленных правил работ, за порчу материалов и инструментов, а также за недобросовестное исполнение работы. По общему началу все отбывающие принудительные работы не по месту своей службы платят за нее не получают. Платность допускается лишь в пределах государственного заработка и лишь в том случае, если приговором суда признано, что они не имеют никаких средств к существованию. Лица, отбывающие принудительные работы вне места своего жительства, получают пищу, специальную одежду и помещения. Суммы, поступающие от отчислений от заработной платы, составляют специальный фонд органов, ведающих принудительными работами. Чистая прибыль от хозрасчетных предприятий распределяется следующим образом: 70% на расширение предприятий данного бюро, 15% в комитет помощи заключенным, 10% в пенитенциарный фонд ГУМЗакза и 5% в фонд исполкомов для выдачи премиального вознаграждения сотрудникам бюро и их предприятий.

Финансы.

5. Пост. СНК РСФСР от 22 мая об источниках содержания и о бюджете яслей для обслуживания детей работниц («Изв.» от 16 июня, № 138). Обязательные взносы на содер-

жание яслей, установленные пост. СНК РСФСР от 29 июня 1927 г. («С. У.» 1927 г. № 77, ст. 528), взимаются с 1 апреля 1928 г. на следующих основаниях: производственные предприятия республиканской и местной промышленности, в которых женский труд имеет значительное применение, вносят $\frac{1}{4}$ % фонда заработной платы предприятия на содержание яслей, обслуживающих исключительно работниц данного предприятия. При распределении средств фондов улучшения быта в тех же предприятиях отчисляется не менее 5% на содержание яслей. Местные исполкомы, госучреждения, госпредприятия и кооперативные организации обязаны предусматривать постройку зданий для яслей при строительстве рабочих поселков.

6. Пост. СНК РСФСР от 19 мая о дополнении правил исчисления и взимания налога с имущества, переходящих по наследованию и дарению, и о порядке перехода к государству наследственных имуществ («Изв.» от 16 июня, № 138). Городские строения, годные для использования по прямому назначению, не продаются с публичных торгов, а передаются по месту нахождения безвозмездно в муниципальный фонд местных советов (см. «С. У.» 1927 г. № 12, ст. 86).

7. Пост. СНК РСФСР от 24 апреля об исполнении государственного бюджета РСФСР за I полугодие 1927—28 бюджетного года («Изв.» от 20 июня, № 141). Местным исполкомам предложено оказывать необходимую помощь и содействие финорганам при проведении мероприятий по усилению поступлений по госбюджету, в особенности, подоходного и промыслового налогов. Наркомзему предложено немедленно ликвидировать недоимочность по лесному доходу. Все учреждения и предприятия РСФСР обязаны выбрать патенты на 1928—29 год не позднее 1 сентября.

Просвещение.

8. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 21 мая об установлении периодических прибавок учителям начальных школ и школ социального воспитания повышенного типа в отдаленных местностях Дальне-Восточного края («Изв.» от 20 июня, № 141).

9. Пост. СНК РСФСР от 19 мая о распространении льгот, установленных в отношении сельского учителя, на педагогический и инструкторский персонал детских домов и других интернатных учреждений, находящихся в сельских местностях («Изв.» от 19 июня, № 140).

10. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 21 мая об установлении периодических прибавок и минимальных ставок заработной платы для педагогического и инструкторского персонала учреждений для трудно-воспитуемых детей и подростков («Изв.» от 19 июня, № 140).

Лесонарушения.

11. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР о дополнении пост. ВЦИК и СНК РСФСР об обязательных постановлениях местных исполкомов об охране лесов и насаждений от хищений и истреблений («Изв.» от 19 июня, № 140). Взамен гражданского иска лесных органов однократная стоимость незаконно добытого или причиненного ущерба отчисляется из взысканного штрафа и приходится по смете Наркомзема. В случае прекращения дела лесным органам принадлежит право отыскивать убытки в общесоюзном порядке. Для принудительного взыскания штрафа требуется вместо утверждения уездного и окружного адм.отдела утверждение исполкома («С. У.» 1928 г. № 8, ст. 72).

12. Пост. СНК РСФСР о распределении сумм, взыскиваемых за лесонарушения, и о премировании лесной стражи и милиции («Изв.» от 19 июня, № 140) издано в целях объединения действующего законодательства по данному предмету.

М. Брагинский.

По автономным республикам.

Революционная законность в Алданском округе Якутской АССР.

В Алданском округе сгруппирована рабочая масса и развывается свою работу золотопромышленное предприятие всеобщего значения. Как обстоит с революционной законностью в этом важнейшем для Якутии и СССР округе? Институт прокуратуры в Алданском округе организован в апреле 1925 года. Когда впервые создавались государственные учреждения в Алданском округе и был большой наплыв золотоискателей, прокуратуре приходилось работать в чрезвычайно трудных условиях. До июля 1926 года революционная законность соблюдалась более или менее удовлетворительно: население усвоило задачи прокурорского надзора, обращалось с жалобами, наладилась работа судебных учреждений и т. д. С июля же 1926 года прокурор почти не стал подавать «признаков жизни», забросил общий надзор за государственными, хозяйственными учреждениями, надзор за судебно-следственными органами и общественно-политическую работу¹⁾. С назначением нового прокурора работа прокурорского надзора в округе начинает оживать. Нужно было вновь восстанавливать авторитет прокуратуры среди населения и органов власти. Не секрет, что до приезда нового прокурора рабочие, махая руками, горлоуно говорили: «что есть суд, что нет его—все одно». Учреждения и должностные лица смотрели на прокурора и на весь судебно-следственный аппарат с «наплевательской» точки зрения. Прокурор был вынужден принимать подчас решительные меры: после двухкратного приглашения подвергал приводу через милицию, а когда учреждения давали распоряжения своим служащим-нараседаателям не являться в суд, в особенности это практиковалось «Алданзолотом», прибегая к штрафам и т. п. Начались доклады прокурора среди трудящихся («пресса и прокурорский надзор» на конференции барбаров, «правовое положение работницы при Соввласти» на женском собрании и др.). Надзор за окрисполкомом, государственными учреждениями и кооперацией в округе осуществляется в полной мере (присутствие на заседаниях президиумов, пленумов ОИК'а, поселковых советов, просмотр протоколов, обязательных постановлений, прием жалоб и заявлений от населения). Обнаружено, что ОИК и поселковые советы издают обязательные постановления с нарушением законоположений (декреты ВЦИК и СНК от 6 апреля 1925 года и 26 февраля 1926 года, инструкция НКЮ и НКВД от 26 февраля 1926 года).

Ряд обязательных постановлений опротестован. Ороченский поссовет на основании решения президиума поселкового совета «о недопущении расхищения книг из библиотеки» издает обязательное постановление, в котором карательная санкция доводится до 25 рублей штрафа или 2 месяцев лишения свободы. В обязательном постановлении Золотинского поссовета «о регистрации барбаров» говорится: «за нерегистрацию барбаров рабочие подвергаются штрафу 8 руб., а остальной и прочий элемент по усмотрению». Незаметинский поссовет за нерегистрацию собак и невыборку биров, решил, кроме 25 руб. штрафа, «собак расстреливать на месте». ОИК в своих обязательных постановлениях карательную санкцию доводил до 300 руб. Все эти ляпсусы объясняются отсутствием законодательного материала и тем, что в прошлом со стороны прокурорского надзора не было указаний и советов. При обследовании окружной милиции установлено, что штрафы налагались без учета имущественного положения штрафующих или взимались совершенно незаконно, когда штраф мог быть взысканным только по суду. К прокурору с жалобами приходят, главным образом рабочие, жалуются на «Алданзолото», ОИК, поселковые советы, органы дознания, следствия, суда. Неправильный снос барбаров, неправильный расчет за работы на разведках, незаконный штраф, волокита, незаконная конфискация золота, незаконный арест и т. п. Нарследователь (един-

ственный в округе) упорядочил работу: поставил на должную высоту наблюдение за органами дознания и провел разгрузку дел. При наличии окружной милиции в Томмоте (9 единиц) и отсутствии районной милиции в приисковом районе (на 8 приисках и 2 ключах 9 единиц, включая агентов уголовного розыска. В Тимпоне раймилиция из 3 человек) создается медленность дознания, волокита, отрыв окружного центра от мест, неувязка в оперативно-розыскной работе милиции. Качественный состав милиции неудовлетворителен. Милиционеры не имеют подготовки, не знают своих прав и обязанностей. Раньше милицией никто не руководил, отсутствовало инструктирование. Милиция не снабжена кодексами, инструкциями и проч. Замечались грубость, пьянство и бездельность. По предложению прокурора ряд милиционеров уволен, перемещен, наложены дисциплинарные взыскания и двое привлечены к уголовной ответственности за дискредитирование власти. Практикуются инструктивные совещания со старшими милиционерами и комсоставом, прокурор, судьи и следователь выступают с докладами («порядок производства дознаний», «права и обязанности милиции», «взыскание по исполнительным листам» и др.). В настоящее время работа милиции улучшается. Штат милиции недостаточен. Население на приисках текучее и буйное, работать нелегко. Недостаток средств на хозяйственно-канцелярские расходы, низкая зарплата, отсутствие средств передвижения, квартир самым пагубным образом отражается на работе милиции. Незаконные аресты (без постановлений) прокурором в корне пресечены. По трудовым делам инспекция труда ведет дознания медленно (2—4 месяца), инспектор труда—один и он не имеет физической возможности справиться с работой. В нарсуде 1 участка (на Алдане 2 суд. участка) с весны проводится разгрузка дел (накопилось около 1000 дел). Камера постепенно разгружается, помог нарсудья 2 участка—специально прикомандированный к 1 участку. В нарсуде 2 участка, дел мало, и дела своевременно заканчиваются (напр., к началу июля с. г. в остатке было 8 дел). Состояние преступности в Алданском округе рисуется в следующем виде: убийства, изнасилования, разбои, квалифицированные кражи, должностные преступления с тяжкими последствиями почти не наблюдаются. Зато расцветают мелкие преступления: шинкарство, побои, простые кражи, оскорбления. Растет хулиганство, которое, порой, принимает самые отвратительные формы. Принципы революционной законности в Алданском округе еще не завоевали права гражданства.

Вот почему прокурорский надзор на Алдане ведет самую борьбу с нарушителями революционной законности. Не соблюдают законы не только рабочие и вообще частные лица, но и представители власти. Окрисполком распоряжался, как своей собственностью вещественными доказательствами, находящимися в милиции. Главно-управляющий «Алданзолота» приносил кассационный протест на приговор суда по не касающемуся его делу, узурпируя права прокурора. Член правления «Алданзолота» отменял распоряжения нарсуда и нарследователя. Милиция для того, чтобы установить факт сожительства одной гражданки с неким гражданином подкараулив ночью и захватив последнего при половом сношении составила акт «о незаконном сожительстве». Это похоже на то, как директор Воляжского паточного завода в 1923 г. посылал вооруженную стражу по женским комнатам (в рабочем общежитии) для проверки, кто с кем имеет половую связь. Милиция для своих надобностей мобилизовывала лошадей и за неподчинение аростовывала. Требуется длительная, упорная и тяжелая работа прокурорского надзора по внедрению революционной законности в Алданском округе. Необходимо правовое воспитание и повышение культурного уровня населения. Мы выражаем надежду, что прокурор Алданского округа в своей работе встретит активную поддержку со стороны рабочей массы, партийных, профессиональных и других общественных организаций Алдана.

Ст. Пом. Прокурора Якутской АССР С. Потапов.

На местах.

Трудовые дела за 1 четверть 1927/28 хозяйственного года.

За 3 месяца октябрь—декабрь 1927 г., в Московскую трудовую сессию поступило (не считая поступления из

¹⁾ Прокурор Алданского округа П. Павлов за недопустимо халатное отношение к своим обязанностям, приведшее к полному развалу работы по прокурорскому надзору в Алданском округе, 25 марта с. г. отстранен от должности с преданием суду. С. П.

других судов и кассированных)—7890 дел, что составляет, в сравнении с последними 3 месяцами значительное увеличение (поступило за июль—сентябрь 1927 г.—6067 дел). Объясняется это главным образом, тем, что строительный сезон в этом году затянулся, и конфликты строителей были преимущественно разобраны в указанный период. Кроме того, сокращение административно-хозяйственных расходов на 20%, производившееся в первом квартале, вызвало целый ряд конфликтов по поводу выплаты усиленного выходного пособия.

За тот же период трудовой сессией рассмотрено по существу 6385 дел, что составляет 104% по намеченному плану (12 судей по гражданским делам, по 170 дел на каждого в месяц). И прекращено 1603 дела, что несомненно отражалось на загрузке судей, так как прекращение трудового дела отнимает зачастую больше времени чем рассмотрение по существу.

В отношении быстроты прохождения дел, по сравнению с последней четвертью 1927 года, имеется значительное улучшение. До 7 дней было рассмотрено в 1926/27 хозяйственном году—61,7%, а в 1 четверть 1927—1928 г.—68,2%. Однако, было бы неправильно вовсе не учитывать прекращенные 1603 дела или 19% всех законченных дел (по которым трудящиеся в большинстве своем получили разрешение своего конфликта в трудсессии). Так по значительному количеству дел были заключены мировые сделки в суде или вне суда и дела прекращались. В большинстве разрешении этих дел заканчивается до 7-дневного срока. Таким образом, фактически закончено дел в течение 7-дневного срока—85,6%.

Вновь поступающие дела через истцов назначаются к слушанию не далее как на 3—4 день, а поступающие по почте—на 7—8 день. Отложение дел уменьшилось в сравнении с последней четвертью 1926/27 хозяйственного года с 44% до 38,3%.

Отложение дел является—большим вопросом в работе трудовой сессии. 38,3% из числа рассмотренных по существу дел откладываются. На изучение причин отложения дел следует обратить особое внимание путем учета причин каждого отложения. За октябрь—декабрь (только по вновь назначенным 1747 делам) наблюдается следующее: отложения были: по причине неявки ответчиков—38,5%; неявка истцов—5,3%; неявка сторон (истцов и ответчиков)—14,9%; по ходатайству сторон—16,3%; для вызова свидетелей 16%. Остальные случаи относятся к другого рода собиранию доказательств по делу. Из приведенных причин отложения следует сделать прямой вывод, что причины отложения зависят от сторон. 38,5% неявка ответчиков—явление ненормальное и недопустимое, особенно по искам о зарплате, где затрагиваются ежедневные жизненные интересы трудящихся. В этом отношении необходимо расширить право суда о наложении штрафа на ответчиков за неявку в суд. В отношении вызова свидетелей уже приняты меры и при приеме исковых заявлений на эту сторону обращено особое внимание. Применение 80 ст. ГПК в полной мере в отношении трудовых дел невозможно, так как в данном случае у трудящегося никаких особых доказательств не имеется, а все это требуется от ответчика, который лишь в судебном заседании дает объяснения по иску.

Из общего числа рассмотренных по существу, иски удовлетворены полностью—34,5%, частично—32,2% и отказано—33,3%. Такое % соотношение в результатах рассмотрения исков замечается 2 год. Стабильность в результатах разрешения трудовых конфликтов, особенно по результатам удовлетворения, объясняется тем, что иски трудящихся в общем не носят необоснованный или рваческий характер. Есть единичные рваческие иски, но в этом больше всего повинно наше трудовое законодательство, которое дает возможность конфликтовать по всякому поводу довольно продолжительные сроки.—Большой % отказа следует отнести в большом количестве за счет неясностей в трудовом законодательстве.

Обращаясь к качеству судебной работы, в разрез отмены решений кассационной инстанции, то и здесь мы имеем снижение % отмены к числу обжалованных с 19,2 до 16,5, а к общему числу дел, прошедших через трудсессию, отмена составляет 3,2%.

Трудовые конфликты на 72,4% возникают после увольнения (статистическая разработка за 1926/27 и. по учтенным 21501 делу). При таком положении вовсе не случайно, что всегда трудящимися вспоминаются все бывшие «обиды», что в общем осложняет разрешение трудовых споров.

Ответчиками выступали по делам (по той же статистической разработке за 1926/27 хозяйственный год)—государственные учреждения и предприятия—44,1%, кооперативные—14,4% и частных—41,5%. Несмотря на то, что удельный вес частника в общем хозяйстве нашей страны незначителен, процент ответчиков слишком велик. Несомненно, что больше всего возникают конфликты

с частниками, особенно по строительным работам и по вопросам прямой зарплаты. Однако, в это же число ответчиков частных лиц, вошли дела домашних работников, которые занимают значительный процент частных дел. Истцами по делам являются следующие группы: 1) фабрично-заводские рабочие—9,7%; 2) другие рабочие—26,8%; 3) рабочие строители—30,8%; 4) служащие—32,7% (названные сведения разработаны за последнюю четверть 1927 г. в отношении 11258 истцов, за исключением 2 столов, сведения которых не вошли по техническим причинам).

Таким образом, основными группами истцов следует считать: служащих, рабочих, строителей и группу не фабричных рабочих (сюда вошли: домовые рабочие, коммунальщики, швейники и друг.), конфликты рабочих фабрик и заводов незначительны. Объясняется это главным образом тем, что местные профсоюзные организации более сильны и конфликты в большинстве своем разрешаются в местной РКК.

Уголовных дел поступило за 3 месяца 466 (в том числе 13—из кассационной инстанции). Остаток был на 1 октября 172 дела. Из этого количества прекращено 143 дела. Такое большое количество прекращенных дел объясняется амнистией, которая частично коснулась и трудовых дел. В общем же остаток дел на 1 января 1928 г. уменьшился всего до 155 дел.

Если взять работу уголовных столов с точки зрения выполнения плана работ (2 стола по 50 дел по существу на каждого судью), то норма не выполнена на 20 дел (закончено по существу в судебном заседании—280 дел), что также следует отнести за счет амнистии, благодаря чему, как указано выше, дела были прекращены в распоряжительных заседаниях. Прохождение уголовных дел по срокам улучшилось: последняя четверть 1926/27 г.—50,7%, 1 четверть 1927/28 г.—57,1%, разобраны до 15 дней. В отношении отложения дел уголовное отделение трудсесии ухудшило свою работу. Так в последнюю четверть 1926/27 г. 31,1%, за первую четверть 1927/28 г. процент отложения повысился до 43,1%. Такой процент отложения дел ненормален. Больше всего причин отложения—неявка обвиняемых и свидетелей. В настоящее время поставлен вопрос о подробном изучении уголовных дел, совместно с членами административно-правовой секции. Отмена дел УКО снизилась с 15,5% последнего квартала до 7,4% в первом квартале настоящего года.

За указанный период к области существенного изменения трудового законодательства, которое в той или иной степени отражалось на разрешении трудовых конфликтов, следует отнести:

1) дополнение 93¹ ст. (пост. ЦИК и СНК от 10 октября 1927 г.) Кодекса Законов о Труде, устанавливающей сокращенную исковую давность, по искам о сверхурочных работах и восстановлении в должности (более подробно по этому вопросу см. нашу статью № 23—24 журнал «Пролетарский Суд» за 1927 г.) и 2) о компенсациях при переводах и при найме на работу в другие местности (пост. ЦИК и СНК СССР от 9 ноября 1927 г.). С изданием названного постановления внесен целый ряд коррективов по применению 82 ст. Кодекса Законов о Труде. Основной принцип, устанавливаемый при переводе на работу в другие местности, заключается в том, что наниматель должен нести фактические расходы по переезду трудящегося, и освобождается от единовременных выплат в случае предоставления квартиры на новом месте работ.

Вводится, кроме того, новое в практике командировочных, возможность командирования для выполнения определенной работы или в определенный срок. Особенно важна возможность такого рода командировок для предприятий, которым приходится перебрасывать работников для выполнения определенной работы (паркетчики, установщики и т. д.), обычно в таких случаях дается большая расценка за работы, которая покрывает повышенные расходы, связанные с новым местом работ.

Таким образом, по временным командировкам закон устанавливает вместо уплаты командировочных и подъемных уплату фактически повышенных расходов, связанных с пребыванием на новом месте работ.

Е. Шкляревский.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: ЦИРКУЛЯРЫ НКЮ: №№ 89 и 90. — Раз'яснения Пленума Верховсуда.

Циркуляры НКЮ.

Циркуляр НКЮ № 89.
НКВД № 215.

Всем краевым, обл. и губ. прокурорам, судам и адмтделам.
Копия: НКВД и НКЮ автономных республик.

О порядке привлечения к ответственности за нарушение государственной картонной монополии.

В виду поступающих с мест запросов о порядке наложения взыскания за нарушение картонной монополии, установленной постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 августа 1924 г. «о государственной монополии по производству играль-ных карт» («С. З.» 1924 г. № 4, ст. 51), Народные комиссары Юстиции и Внутренних Дел Р. С. Ф. С. Р. раз'ясняют:

1. Изготовление играль-ных карт всякого рода без специального разрешения уполномоченного НКФ СССР по госкартмонопольи преследуется по 99 ст. Уголовного Кодекса РСФСР.

2. Продажа карт выше цен, указанных в прейскуранте уполномоченного НКФ СССР по госкартмонопольи, а также нарушение издаваемых уполномоченным НКФ СССР правил торговли игральными картами—преследуется по 105 ст. УК РСФСР.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор
Республики Янсон.

Народный Комиссар Внутренних Дел Егоров.

22 июня 1928 г.

Циркуляр № 90.

Краевым, областным и губернским прокурорам.

Копия: прокурорам автономных республик.

Об осуществлении надзора за правильным расходованием сумм самообложения.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. («С. У.» № 8, ст. 73) исчерпывающе перечислены те местные культурные и хозяйственные нужды сельского населения, для удовлетворения которых может производиться самообложение. Собранные средства могут расходоваться исключительно на те цели, которые указаны в постановлении общего собрания граждан.

По имеющимся сведениям, на местах замечается неправильное расходование собранных в порядке самообложения сумм. В одних местах средства эти обращаются на удовлетворение нужд, предусмотренных местными бюджетами. Производятся позаймствования из этих сумм на удовлетворение нужд, неимеющих местного значения и непредусмотренных постановлениями сходов. В некоторых случаях, по распоряжениям исполкомов, собранные по самообложению суммы накапливаются в кредитных учреждениях с тем, чтобы за их счет провести крупные хозяйственные мероприятия окружного и губернского значения.

Так как самообложение населения в порядке декрета 7 января 1927 г. имеет целью содействовать самостоятельности сельского населения как в собирании, так и в расходовании сумм на удовлетворение определенных местных нужд, и расходование собранных сумм на иные цели прямо запрещено законом, предлагаю:

1. Неуклонно опротестовывать все постановления местных советов и исполкомов о расходовании собранных путем самообложения сумм с нарушением декрета от 7 января 1928 г.

2. В случае фактического израсходования собранных сумм на иные цели привлекать нарушителей к уголовной ответственности (ст. 23 декрета 7 января 1928 г.) с возвращением неправильно израсходованных сумм и направлением их по прямому назначению.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор
Республики Янсон.

Член Коллегии НКЮ, Пом. Прокурора
Республики Бранденбургский.

26 июня 1928 г.

Раз'яснения Пленума Верховного Суда РСФСР.

Из протокола № 9 заседания Пленума Верховного Суда РСФСР от 21 мая 1928 г.

91 (п. 2). Об ответственности за потравы.
(Постановление Пленума Ленинградского облсуда).

1) раз'яснить, что при потравах владельцы скота, причинившие вред, или лица, допустившие своими действиями какое-либо повреждение урожаю травы и разных культур, растений и т. д., отвечают в долевой ответственности с при-менением 411 ст. Гр. Код., т.-е. с учетом имущественного по-ложения потерпевшего и причинившего вред;

2) в связи с этим раз'яснением постановление Пленума Ленинградского областного суда от 20 марта 1928 г. о со-лидарной ответственности за потравы отменить.

92 (п. 3). О признании утратившими силу раз'яснений Пленума Верховсуда от 19 апреля 1927 года по вопросу о возмозности продажи с публичных торгов садов в сельских местно-стях и от 7 апреля 1924 года о передаче прав на фрукто-вые сады.

Постановление IV Всесоюзного Съезда Советов (п. 4 раз-дела «об основных задачах сельского хозяйства») говорит о проведении в жизнь возмещения (компенсации) землепользо-вателей за вложенные в землю и неиспользованные ими за-траты и материальные средства во всех случаях прекраще-ния ими пользования улучшенными участками земли.

Такое возмещение, исходя из общих начал национали-зации земли (см. законопроект об общих началах землеполь-зования и землеустройства СССР, переданный сессией ЦИК СССР на обсуждение мест), возможно не посредством част-ного соглашения заинтересованных лиц, а путем разрешения вопроса о передаче земельного участка при землеустрой-стве и проч., т.-е. постановлением земельных органов и испол-комов.

Исходя из этого и принимая во внимание, что переход фруктовых садов путем договора или с торгов из рук в руки, хотя и с разрешения земельных органов или согласия зе-мельных обществ, используется некоторыми зажиточными лицами путем разных ухищрений для сосредоточения в своих руках больших участков,—Пленум Верховсуда РСФСР по-с т а н о в л я е т:

1) признать, что в соответствии с раз'яснением Пленума Верховсуда от 7 мая 1928 года (протокол № 8, п. 7 «Суд. Практ.» № 9—п. 87) продажа садов недопустима, поскольку это является косвенной продажей земли;

2) раз'яснения Пленума Верховсуда от 19 апреля 1927 г. («Суд. Практ.» № 8 1927 г.) и от 7 апреля 1924 г. («Е. С. Ю.» № 18 1924 г.) признать утратившим силу;

3) поручить Председателю Верховсуда обратиться в Нар-комзем и Наркомост с предложением о выработке инструк-ции о порядке передачи земельными органами садов новым землепользователям в случаях прекращения старыми земе-лепользователями ведения хозяйства и возможности отобра-ния сада за долги;

4) с таким же предложением обратиться в Наркомвнудел по вопросу о садах в городах.

93 (п. 4). О запрещении судебно-следственным работникам приобретать имущество на торгах.

(Представление пленума Ульяновского губсуда).

Пленум Ульяновского губсуда издал циркуляр о запре-щении судисполнителям принимать участие в торгах, про-изводимых хотя и другими судисполнителями. При этом в этом же постановлении пленум признал необходимым обра-титься в НКЮ с просьбой о распространении этого запре-щения вообще на судебно-следственных работников. Пле-нум Верховсуда, полностью одобряя эту точку зрения, считает необходимым указать как на беспорочное обстоятельство, что судебно-следственные работники вообще не могут принимать никакого участия в торгах, производимых судисполнителями.

94 (п. 5). Об ответственности руководителя учреждения за грубое отношение к посетителям, проявленное подчиненными ему лицами.

(Протест Председателя Верховсуда на определение Уголовной Кассколлегии Верховсуда от 12 апреля 1928 года по делу Орловского губсуда по обвинению гр-н Кац и Скларской в халатности).

Обстоятельства дела по материалам, добытым на предварительном и судебном следствии, рисуются в следующем виде: 10 декабря 1927 года рабочий Транспогруза, Борисов, привез в 6 часов вечера свою жену в родильный дом с просьбой поместить последнюю для родов. Дежурная акушерка Скларская распорядилась измерить температуру у Борисовой, у которой в то время были уже сильные схватки. Температура у Борисовой оказалась 40,3. В виду общего порядка, существовавшего в родильном доме, о том, что роженицы с высокой температурой в родильный дом не принимаются за отсутствием в нем специального изолятора, Скларская позвонила заведующему родильным домом Кацу и сообщила ему, что в родильный дом доставлена роженица с очень высокой температурой, указав при этом, что близость родов незаметна. Кац, исходя из того, что помещение роженицы с высокой температурой может отразиться на остальных роженицах в смысле их заражения, распорядился по телефону, чтобы роженицу отправили в 1-ю городскую больницу, помещающуюся недалеко от родильного дома. Когда об этом распоряжении Скларская сообщила Борисову, последний стал возражать, указывая что его жена по дороге может родить, так как у нее сильные схватки и воды уже сошли. Скларская тем не менее грубо вытолкнула на улицу Борисову, даже не ожидая приезда извозчика, за которым пошел муж Борисовой. Отойдя несколько шагов, Борисова тут же на улице родила. Тогда Борисову повели обратно в родильный дом, и по распоряжению Скларской пуповина у младенца была отрезана на улице прямо на извозничьей пролетке. Ребенок оказался мертвым, а Борисову после этого ввели в родильный дом и положили в коридоре на скамейке, где Борисова пролежала около часу в холодной передней. После выделения последа Борисова была отправлена Скларской на лошади родильного дома в больницу, при чем Борисова не была обмыта и уложена на голые сани и не укрыта. В тот же вечер, в 12 часов ночи роженица скончалась. Доктор Кац, узнав по телефону, что Борисова родила на улице, дал распоряжение вызвать врача для оказания помощи, так как он вследствие нарыва на пальце не в состоянии был исследовать больную и оказать ей помощь.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть Борисовой последовала от общего заражения крови, при чем с несомненностью было установлено, что заражение крови наступило у Борисовой до поступления в родильный дом, почему смерть не находится ни в какой связи с действиями служащих родильного дома.

Орловский губернский суд приговорил Кац по 111 ст. УК к лишению свободы сроком на 1 год условно, и к увольнению от занимаемой должности; Скларскую по той же статье УК к лишению свободы сроком на шесть месяцев.

По кассационной жалобе осужденных дело поступило в УКК Верховсуда, которая приговор в отношении Каца отменила и дело производством в уголовном порядке прекратила по следующим мотивам: сам суд не был уверен в наличии у Каца состава преступления, ибо из действий Каца не вытекают те тяжелые последствия, которые послужили причиной к возбуждению уголовного преследования. Если бы действительно была причинная связь между халатностью Каца и смертью Борисовой, само собой разумеется, суд не имел бы никакого основания к применению к Кацу условного осуждения. Материалами дела установлено, что смерть Борисовой вызвала большое возмущение среди рабочих, главным образом, благодаря недобросовестному отношению обвиняемой Скларской, допустившей грубое обращение с больной. Это последнее обстоятельство и является основным существом настоящего дела. Что же касается обвиняемого Каца, то, по сколько в родильном доме, которым он заведывал, не было изолятора для заразных больных, что со стороны здравоохранения было запрещено приема рожениц с повышенной температурой во избежание за-

ражения всех остальных рожениц, что Кац неоднократно возбуждал вопрос и требовал минимум необходимого оборудования для устройства изолятора, но это в жизни не было проведено, Кац не может нести ответственности за данное распоряжение дежурной акушеркой Скларской направить Борисову в общую больницу.

Материалами дела устанавливается, что Кац дал распоряжение Скларской в соответствии с ее информацией по телефону о состоянии больной, что у Каца действительно был нарыв на пальце и он не мог участвовать в гинекологическом осмотре больной и поэтому личное его отсутствие лишь могло устранить недобросовестность Скларской при отправке больной в больницу, но этого он предвидеть не мог. Приговор в отношении Скларской, исходя из допущенной ею недобросовестности и грубого отношения к больной, УКК оставила в силе.

Дело это по предложению Председателя Верховсуда было внесено в Пленум Верховного Суда главным образом потому, что по мнению Председателя Верховсуда полная реабилитация Каца является все же неправильной, ибо поскольку он возглавлял родильный дом, он должен нести ответственность и за действия своих подчиненных.

П о с т а н о в и л и:

Рассмотрев дело, Пленум Верховного Суда находит: приговор Орловского губсуда, присуждающий гр-на Каца к условному лишению свободы и к увольнению от занимаемой должности, не вытекает из данных дела и является неправильным. Материалами дела с бесспорностью устанавливается, что смерть гр-ки Борисовой последовала не по вине обвиняемого Кац и даже независимо от действий Скларской. Но, учитывая, что Скларская проявила исключительно грубое, явно недобросовестное и абсолютно недопустимое отношение к больной Борисовой, ее действия следует признать социально-опасными, почему приговор в отношении ее является правильным. Однако, полная реабилитация гр-на Каца, без вынесения ему даже предостережения, также является неправильной, ибо, поскольку Кац являлся руководителем Орловского родильного дома, он несет ответственность и за действия своих подчиненных, проявивших грубое отношение к посетителям и к больным, уже не говоря о том, что все же им в данном случае была проявлена недостаточная внимательность в смысле личной проверки информации Скларской по телефону. Ввиду этого Пленум Верховсуда постановляет: в дополнение определения УКК Верховсуда от 12 апреля 1928 года обвиняемому Кац, на основании ст. 43 УК, объявить предостережение.

95 (п. 6). Об ответственности ж. д. за пожар, возникший от искры паровоза.

(Предложение Председателя Верховсуда по делу Мосгубсуда по иску гр-на Петрова и друг. (погорельцев дер. Любичики) к правлению Московско-Каз. жел. дор. об убытках).

Принимая во внимание, что:

1) буквальный текст ст.ст. 403 и 404 ГК показывает, что эти статьи имеют в виду совершенно различные случаи ответственности за вред, а именно: ст. 403 говорит об ответственности лица, причинившего вред, а ст. 404 ГК трактует об ответственности лица и предприятия за вред, причиненный не самим лицом, а источником повышенной опасности, которым он владеет;

2) что в данном случае судом, очевидно, применена ст. 403, а не 404 ГК. Применение ст. 404 ГК в данном случае не имело места, да и невозможно, ибо понятие источника повышенной опасности по отношению к железной дороге, конечно, имеет в виду железную дорогу в ее качестве средства передвижения, механической силы (например, в случае взрыва) и т. д., а не в смысле способа отопления паровоза, никакой повышенной опасности не представляющего;

3) что, если бы даже было установлено, что от искры паровоза, случайно долетевшей до деревьев (о регулярном долетании искр и разговора не было), возник пожар в деревне, то это, как простая случайность или непреодолимая в данных общественных условиях производства сила, должно считаться стихийным событием и может повлечь за собой лишь вопрос о пособии из средств государства, в особенности бедняцкой части потерпевших, а отнюдь не об отнесении такого иска на расходы по эксплуатации железной дороги;

4) что этот вопрос был разрешен в таком смысле уже определением Пленума Верховного Суда от 1 декабря 1923 г.

и что слова этого раз'яснения против применения ГК к случаю, имевшему место до введения ГК (1923 г.), вовсе не означают, что по всем делам, возникшим после 1923 года, должно действовать противоположное правило;

5) что и судебная практика последовательно проводила этот взгляд, за исключением лишь одного дела губсуда, не дошедшего до Пленума Верховсуда, решение по которому и было использовано поверенным, ведшим то дело, чтобы воспользоваться им, как обязательным «прецедентом», при чем губсуд совершенно неправильно приобщил к производству этот документ; не имевший никакого отношения к данному делу;

6) что об оказании помощи бедноте в данном случае, а равно в будущих подобных случаях, следует возбудить вопрос перед правительством об участии Госстраха в этой помощи за счет своих прибылей,—Пленум Верховного Суда постановляет:

На основании изложенного раз'яснения, отменить определение ГКК Верховсуда от 27 февраля 1928 года и дело передать на новое рассмотрение ГКК Верховсуда для разрешения вопроса о применении этого раз'яснения к конкретному делу.

96 (п. 7). Спекуляция, скрытая под видом «воскресника».

(Предложение Президиума Верховсуда по делу Майкопского окружного суда по обвинению гр-н Вакулиных и др. по 107, 108 и другим статьям УК, рассмотренному УКК Верховсуда 28 марта 1928 года).

В начале лета 1927 г. на некоторых государственных мельницах Майкопа имели место своего рода «воскресники» для помола зерна частных торговцев. Дело в том, что в результате первоочередности помола зерна для государственных и кооперативных организаций, а также одиночек-крестьян зерно частных скопилось в значительном количестве и его не могли перемалывать в обычное рабочее время. Поэтому, собственники этого зерна по договоренности с некоторыми рабочими мельницы и с согласия администрации помоли свое зерно в сверхурочное время и в дни отдыха за особую плату. Когда об этом стало известно администрации мукомольного треста, последняя категорически запретила устройство этих «воскресников», после чего «воскресники» прекратились, за исключением лишь одного случая в июле 1927 года. В виду этого бывший заведующий мельницей и ряд других лиц—служащих мельницы, а также торговцы были привлечены к уголовной ответственности, при чем суд квалифицировал это преступление как взяточничество по 2 ч. 117 ст. УК, а действия заведывающего—как злоупотребление властью. Исходя из общей предпосылки необходимости усиленной борьбы с ухищрениями частных торговцев на хлебном рынке, тем более, что дело это было заслушано в феврале 1928 года, во время разгара хлебозаготовительной кампании, суд приговорил бывш. заведующего мельницей Сурина к пяти годам лишения свободы, торговцев—на разные сроки лишения свободы и штрафу, а служащих и рабочих мельницы также на разные сроки лишения свободы.

УКК Верховсуда приговор этот оставила в силе, но переквалифицировала деяния всех осужденных, кроме Сурина (завед. мельницей) по 17—109 ст.ст. УК и понизила рабочим срок лишения свободы до трех месяцев, с освобождением их из-под стражи, поскольку они этот срок уже отбыли. В отношении заведующего Сурина мера социальной защиты была понижена до двух лет лише-

ния свободы, а в отношении торговцев приговор оставлен в силе.

По предложению Председателя Верховсуда, считавшего, что Сурин не нуждается в такой длительной изоляции, поскольку он действовал без всякой корысти, дело было внесено в Президиум и Пленум Верховсуда, который вынес следующее постановление.

Постановили:

В дополнение к определению УКК Верховсуда от 22 марта 1928 года понизить осужденному Сурину лишение свободы до одного года, с освобождением от отбытия лишения свободы по амнистии к 10-й годовщине Октябрьской Революции. В остальном определение УКК Верховсуда оставить в силе.

97 (п. 9). Об ответственности служащих исправтруддома за доставку заключенным спиртных напитков.

(Протест председателя Верховсуда на определение УКК Верховсуда от 2 февраля 1928 г. по делу Брянского губсуда по обвинению гр-на Щуковского по 109 ст. УК).

Брянский губернский суд приговором от 18 декабря 1927 года признал виновным гр-на Щуковского в том, что он, будучи младшим надзирателем губисправтруддома, в целях наживы продавал некоторым заключенным исправтруддома хлебное вино, при чем были установлены следующие факты: 11 ноября 1927 года Щуковский принес в исправтруддом 2 бутылки водки и продал их двум заключенным, 14 ноября того же года принес 4 бутылки, но продать их не успел, ибо водка была обнаружена и отобрана администрацией. Щуковский виновным себя не признал. Губсуд приговорил Щуковского к лишению свободы со строгой изоляцией на 1 год 6 мес., без поражения в правах, но в силу 51 ст. УК строгая изоляция была снята.

УКК Верховсуда, рассмотрев дело и не усматривая в деяниях осужденного Щуковского каких-либо признаков преступления, караемого в уголовном порядке, так как приговор не устанавливает каких-либо последствий от действий осужденного; наличие же установленных в приговоре действий со стороны осужденного свидетельствует лишь о плохом надзоре администрации исправдома за надзирателями, и что действия Щуковского могли быть ликвидированы в административном порядке, приговор губсуда отменила и дело в уголовном порядке прекратила.

По протесту Председателя Верховсуда, считавшего, что действия Щуковского являются безусловно социально-опасными, подлежащими рассмотрению в уголовном порядке, а не только в дисциплинарном, дело было внесено в Пленум Верховсуда.

Постановили:

Соглашаясь с протестом и находя, что прекращение дела Щуковского по мотиву отсутствия в действиях составе преступления является неправильным, ибо действия Щуковского, выразившиеся в том, что он, будучи надзирателем исправтруддома, продавал водку заключенным в исправтруддоме, являются социально-опасными и подлежащими рассмотрению в уголовном порядке,—отменить определение УКК Верховсуда от 2 февраля 1928 года и дело передать на новое рассмотрение УКК Верховного Суда.

Ответственный Редактор: Нар. Ком. Юст. Н. Янсон.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Редакционная Коллегия { Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.